

**Иван Васильевич Шмелев
Александр Юрьевич Шмелев
История села
Мотовилово. Тетрадь № 3**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39417979

SelfPub; 2018

Аннотация

Дневник русского крестьянина, в котором он описал историю родного села Мотовилово Арзамасского района Нижегородской области. Тетрадь 3: детские воспоминания, рассказы о жителях села, НЭП в крестьянском селе.

Содержание

Детская шалость	5
Детские забавы (1921г.)	9
Яков Забродин	13
Сила Михаила Федотова	20
Заготовка материала	23
Денщики и воры	27
Анна Гуляева (Булалейка)	38
Устинья Демьянова	46
Настасья Булатова	59
Постройка двора	65
Поднятие колокола	74
Живые картинки	81
Что ели ребятишки	86
Плотники Ершов и Муратов	91
Женитьба Алеши	104
Н.Э.П.	122

Детская шалость

Уехали отец с матерью в поле овес докашивать, дома осталась домовничать бабушка Евлинья с ребятишками Минькой, Санькой, Манькой, Ванькой и Васькой, который был еще малыш – качался в зыбке.

Сначала Минька с Санькой выполняли задание отца: приростить в поленницу дрова около двора, натаскать с озера воды, нарыть и намыть картошки, а потом заниматься своими делами, кто чего хочет.

Выполнив задание, ребята собрались в верхней комнате и, прочитав несколько статей в книжке «Мир божий», принялись играть, а где игра там и драка.

Манька ушла к своим подругам в куклы играть, а Минька с Санькой, натешившись в игре в скрадку, потом снова взялись за книжку, но дело не обошлось без драки. Первым книжку схватил Санька, у него из рук с силой ее выхватил Минька, и пошло-поехало: Санька в Миньку сапогом, а он в него чернильницей, а она в него не попала, а угодила в окно. Стекло со звоном дзинькнуло – дыра во все верхнее звено. Сразу же игра и драка прекратились. Бабушка принялась их отчитывать и ругать:

– Ах, вы, супостаты, вот приедет отец, я все ему расскажу! Что вы все прыгаете да беситесь, как ахилы, что у вас

в задницах червяки возьматся, посидеть на месте не дают! Я вот возьму прут, да вам по жопам-то и надаю! – вышедши из терпения, угрожающе увещевала она ребят.

– Нет, с вами я домовничать больше не останусь, лучше в поле поеду! – с обидчивостью добавила она.

Докосив овес, к вечеру из поля возвратились старшие. Раненько поужинав, Василий вышел во двор. Подобрал оброчное около яслей сено, он бросил его лошади, хозяйским глазом осмотрел приложенные ребятами дрова, не торопясь вышел из ворот на улицу. Поглядев на заходящее солнышко, он взгляд свой перевел на свой дом и сразу ахнул: у верхней избы у переднего окошка все верхнее звено выбито. Он – в избу и прямо с порога грозно:

– Эт кого угораздило окошко-то разбить!? А! – в голосе его негодование и угроза. Ребятишки настороженно, смиренно затихли, выжидающе устремились на отца. У Саньки даже выпал из рук лапоть (он в это время разувался). Мать, чувствуя разгоряченность отца, сразу же вступилась за ребят:

– А может, кто камнем с улицы? – стараясь выгородить их, с тревогой в голосе проговорила она.

– Нет, не с улицы, осколки-то в палисаднике валяются. Иди, сама удостоверься! – раздраженно бросил Василий. – А ты вечно их защищаешь! – укорял он ее. – На улице-то скоро зима, а окошко разбито, где стекло-то взять, в потребилке его и заводу нет. Стекло-то нынче зря-то не вставишь! –

продолжал напевать он. – За стекольщиком надо три дня ходить, да и он из себя вычупендривает, то стекла у него нет, то замазка засохла, то алмаз испрокудился.

– Неужель ты, мамк, не видела, кто разбил? – обратился он к старухе. Бабушка, решив не выдавать виновника, сокрушенно оправдывалась:

– Да рай углядишь за ними и разберешь, кто виноват? Тут и посторонние были, устроена была целая война! – стараясь утихомирить пыл сына, высказалась она. Не остыв еще от зла и досады, отец пообещал детям:

– А вы, идола, так и знайте – кто разбил, того задницей разбитое окошко заткну!

Не любил Василий того, что ребяташки уже взрослыми стали, а все еще в школу ёндают. Пора бы уж и за дело браться, а они бегают, как лызгачи, только лапти понапрасну носят. Иногда он наговаривал своим детям:

– По-моему, так проучился зиму, ай две и хватит. Я вот ползимы проучился, и то больше вашего понимаю. Особенно ты, Миньк, ведь тебе уж четырнадцатый год попёр, а ты все в училищу шлепаешь! Не пора ли бросать, а? – Минька, почесав в затылке, самодовольно улыбнувшись, согласился:

– Я бы не против, да она мне и надоела, учёба-то!

– Ну, вот и давно бы так! – приветственно усмехнулся отец. – А Санька пускай ходит, он в какие-то ученые метит! – с недовольством заметил он.

А мать наоборот, всячески поощряла ученье своих детей. Никогда не упрекала их за чтение книг в неурочное время, и сама иногда гордилась тем, что в свое время преуспевала в школьном ученье, за что была награждена платком. Она своих детей, школьников Саньку и Ваньку, даже экзаменовала, спрашивала:

– Вот, я вам задам задачу – проверю вашу способность: А и Б сидели на трубе, А упала, Б – пропала, что осталось на трубе?

Отец же терпеть не мог, когда видел, что кто-нибудь из его детей «торчит» за книжкой – учись в школе, а чтоб дома этим заниматься, про это забудь!

Детские забавы (1921г.)

В свободное время выбежит из изб обоих порядков, с половины Главной улицы, целая ватага ребят и затевает разнообразные игры, весёлые забавы и драки. Эта ватага состояла из около тридцати человек: Минька, Санька, Ванька, Михаил, Ванька, Панька, Сергунька, Санька, Алеша, Мишка, Панька, Ромка, Ванька, Васька, Мишка, Яшка, Санька, Витька, Колька, Ванька, Стёпка, Колька, Васька, Гришка, Колька, Санька, Федька. От такой шумной оравы на улицах стон стоит. Кто чем забавляется, и кто во что горазд занимается: кто в прятки играет, кто в лапту, кто в чушки, кто в «попа», кто шары катает, кто колёсико по дороге гоняет, кто в «лапти» играет, кто на соломе кувыркается, а кто «показывает Москву».

Как-то глубокой осенью вздумали провести «телефон» с порядка на порядок. У Федотовых в огороде рос хмель. За лето он высоко вскарабкивался на длинные жерди, а осенью, оборвав с него душистые пьянящие шишечки, хозяева отдавали пружинисто выющиеся длинные лозы на потеху ребятам. Предварительно очистив лозы от листьев, ребята связали их в один длиннющий провод. Сергунька залез на росшую под окном их дома берёзу. Ему подали один конец «провода», он закрепил его, завязав на сучок, а другой конец, пе-

ртянув провод через дорогу и подняв вверх, привязали за ветлу, стоявшую у Селиванова окошка. Восторга и радости было не есть конца. Ребята, восторгаясь, прыгали и кричали: «Телефон! Телефон!»

– Эт вы чего тут делаете, греховодники! – закричал на ребят вышедший из своей избы Семион Селиванов. – Иль хотите у меня всю ветлу обломать! Я вот вам сейчас задам! Убирайтесь отсель прочь! – не унимаясь, ворчал Семион.

– Да мы не ломаем твою ветлу, а только привязали за ее телефон! – упрощающе оправдывались ребята.

Полюбоваться детской забавой вышли из своих дворов Василий Савельев и его шабёр Иван:

– Ишь, дьяволята, чего сделали! – восторгаясь, улыбался Иван. – Ешли твою мать, чего выдумали – тилифон! Топерь звоните и переговаривайтесь по нему! – подзадоривал он ребят.

– Да, молодежь стали выдумщики! – с похвалой отозвался Василий. – Не как мы бывало, сиднем сидели до трехлетнего возраста.

Подскочил внезапно Мишка Крестьянинов к Ваньке Савельеву, поддал ему коленкой в зад, проговорил в шутку: «Мать велела киселя дать!». Ваньке показался удар сильным, от испуга и обиды он заплакал. К Мишке подбежал Ваньким брат Минька, угрожающе спросил:

– Ты за что его?

– Это я пошутил! – с озорной усмешкой начал оправдываться Мишка.

– А хошь, я тебе в шутку по зубам съезжу?

– Было бы за что!

– Не связывайся с маленькими – вот за что!

Дальше – больше, заспорили, обзывая друг друга:

– Цыган!

– А ты курносый дьявол!

Тайно подслушивающий спор Минькин отец, подзадорил сына:

– А ты, Минька, дай ему лаптем по шее, он и будет знать. Ишь, он с озорством-то своим, везде суется. Как бандит с ножового завода! – наделял нелестными словами Василий соседского Мишку.

Подзадоренный словами отца, Минька стал действовать смелее. У него устремлено на Мишку напыжились глаза, пальцы сжимались в тугие кулаки:

– Хочешь, я тебе на спишу «загну салазки» то, и будешь ходить вперед пятнами! – грозно пообещал он Мишке.

– Видывали мы таких-то! – огрызался тот. – Я сам могу отпустить тебе зашейного пластыря!

Эти дерзкие слова вконец вывели из терпения Миньку. Он разъяренным петухом бросился на Мишку, сшиб его с ног и давай намолачивать ему по чему попало. Мишка под ударами заревел, заойкал, волчком завертелся по траве, но-

рова вырваться и нанести ответные удары. Но Мишка своим напористым натиском не давал ему подняться на ноги, катал его по траве, наделяя его вдобавок пинками.

Натешившись, Минька отступил, отойдя к своему дому. Мишка, поднявшись на ноги, утирая рукавом кровь и подняв кверху руку и оттопырив указательный палец, стал угрожающе выкрикивать:

– Ну, ладно, я тебе припомню!

– Сначала опомнись, а потом припоминай! – с издевкой отозвался Минька.

– Здорово ты его отделал! – похвалил Миньку отец. – Так ему и надо! Знай наших! – горделиво добавил он.

– Мы с ним еще в школе дрались. Он со своим озорством и нахальством частенько в ухо просит! – закончив батальный азарт, победоносно сказал Минька.

Долго они не ладили между собой, затаив злобу, косились друг на друга, а по местожительству были соседями, шабрами.

Яков Забродин

Славится своим чудачеством Яков Спиридонович Забродин. Всю жизнь он своим поведением и рассказами смешит людей, но сам редко, когда улыбнётся. Бесперывно он служит сторожем. Сначала охранял здание волостного управления, а когда его сломали, он стал сторожем в сельском совете. Во время ночных дежурств время у Якова для наблюдений и размышлений – хоть отбавляй, вот он и занимается разного рода наблюдениями и замечаниями. Он заинтересованно изучал петушиное пение: когда поют, как поют и где поют. Он знал петушиные повадки до мелких подробностей.

Однажды он со всей серьёзностью уверял соседей-мужиков, что он видел одно похожее очертаниями калоши облако, которое дважды проплыло над селом. С вечера оно, по его утверждению, ушло по направлению к Волчихе, а утром снова показалось над Мотовиловом (потому что ветер повернул) и стало удаляться за Веригино. Мужики, было, не верили, смеялись, шутили, но спорить с Яковом Спиридоновичем бесполезно, он безотступно утверждал, что это бело точно, «хоть проверь».

Во время дежурств, находясь в одиночестве, он так же занимался изучением полёта мух, которых в помещении сельсовета было достаточное количество, которых он почти всех

знал в лицо. С дежурства он шел по дороге улицы, степенно, не торопясь. В правой руке у него всегда его спутница, загнутая деревянная клюшка, а левой он слегка деловито размахивал. Издали можно подумать, что он рассеивает просо.

Со встречаемыми он с почтением приклоном степенно здоровался, а иногда ничто ни про что на дороге внезапно останавливался, в полголоса выкрикивал «Извиняюсь!», хотя перед ним никого не было и извиняться было не перед кем.

Спал он преимущественно днем. В просоньи, как луна-тик, бормотал несвитницу. Иногда просыпался, босиком выходил на двор, оставляя на побелевшем сенном полу (если это было зимой) свои следы-проталины. Полусонный возвращался в избу и снова заваливался на разостланную на кутнике ватолу, одевшись бабьей овчинной шубой, вскоре снова засыпал богатырским сном. Во всю избу разбрызгивал свой клокочущий храп, издавая звуки, словно он пьет сырые яйца. Иногда казалось, что он во сне изучает азбуку, и у него никак не ладится дело с буквой «к», которую он повторял раз по ста. Случалось, и такое, что во время сна он, тупо шлепая губами, отдувался, словно дул на чрезмерно горячую пищу.

Когда он, выспавшись, окончательно просыпался, его домашние шутили над ним: какой сон видел, сколько раз на двор ходил и прочее. Он отговаривался и утверждал, что

ничего не помнит, а если его донимали расспросами, то он ругался:

– Да перестаньте, чтоб вас разорвало!

За ним водились причуды и странности. Как-то его сосед, живший через один дом, Осип Батманов похвалился, что во время потрошения заколотой курицы он обнаружил в зобу у нее пятирублёвый золотой. Это Якова сильно заинтересовало, и он, решив разбогатеть, придя домой, переколол всех имеющихся в их хозяйстве кур и петуха не пожалел. Кстати, жены его, Феоктиньи, дома не было. К великому его удивлению, он не обнаружил в зобах у кур не только золотых, но там не казалось даже медяков. А одна курица (по его рассказам) после того, как он ей отрубил голову, так сильно затрепыхалась, что нечаянно взметнулась на сушила, угодила в гнездо и снесла, с испугу, сразу два яйца. Пришедши домой, Феоктинья сразу же обнаружила бессмысленные проделки мужа, беспощадно отчитала его за нерадение к своему хозяйству, за урон. Он же, чувствуя себя безмерно виноватым, молчал.

В молодости Яков также проявлял свое чудачество и ухарство. Желая легко заработать деньги и разбогатеть, подстрекаемый парнями-товарищами, он на спор, один, без боязни в ночное время ходил в поле на большую дорогу целовать верстовой столб. За это получал полтинник.

Во время прохождения военной службы он также не оставлял своего чудачества: как-то спросил его взводный командир:

– Ты что, Забродин, фуражку-то носишь не по-военному, набекрень?

– А мне ее на голову так надел старшина. Я уж поправлять не стану, чтоб не нарушить устава.

А однажды его спросил старшина:

– Забродин, ты что не побреешься, вишь, какую бороду-то отрастил!

Яков деловито провёл ладонью по выросшей щетине, невозмущенно со свойственной ему хладнокровностью, оправдываясь, ответил:

– Да она только сейчас выросла, утром щупал я её, не было!

Во время занятия строевой подготовкой взвод отрабатывал разнообразные приёмы строевого шага. Солдаты ходили и бегали до условленного куста туда и обратно.

Взводный офицер скомандовал:

– Взвод, бегом марш!

Выполняя команду, все послушно побежали, а Забродин остался на месте. Командир недоуменно спросил его:

– А ты что, Забродин, не бежишь?

– А зачем я побегу? Я знаю, что они сейчас обратно сю-

да прибегут. Так зачем понапрасну туда-сюда бегать, сапоги казенные портить! – невозмущенно и спокойно ответил он.

Жена его, Феоктинья, живя с ним, примирилась с его чу-дачеством и закомуристыми вычурами, и он ее уважал, не бивал. Разве, когда только под пьяную руку, если чем досадит, он решал ее проучить. Но ввиду того, что Феоктинья была саженого росту, а он низкорослый, и чтоб достать кулаком до ее лица, он подставлял табуретку. Она же покорно стояла и ждала удара, не смея сойти с места, дабы не рассердить вдвойне мужа. Нанося, в таких случаях, побои он нараспев приговаривал: «А жена, да убойся своего мужа!»

Про отца Якова, Спиридона, старики рассказывали иное. Спиридон обладал богатырской силой, была же у него странная привычка. Как только, бывало, подвыпьет, сграбастает свою вечно болезненную старуху Ефросинью и начинает с ней бегать по улице вдоль порядка. Он бегают, резвится, силу избывает, а старухе не до этого – она едва дух переводит от непомерной тряски, от беготни и по-жеребьячи взбрыкивания мужа. Покорно она сидела «на горшках» у старика, с болью вздыхала и охала, но спрятаться и сорвать эту странную забаву мужа она не отваживалась. Спиридон отыщет, найдёт и тогда свою любезность в беготне будет исправлять еще азартнее. Бегая, он обычно кричал:

– Ну, Ефросинья, держись! Вот как я тебя уважаю и люб-

лю, бесплатно катаю! – и снова вскачь, вприпрыжку пустится вдоль улицы. А старуха после этой бесплатной любезности ухайдаканная, дня по три не сходила с постели, жаловалась подругам-старухам:

– До боков дотронуться больно и внутри скрежещет! Все печенки, наверно, поотрывались!

Старухи сочувственно ахали, осуждающе Спиридона, качали головами...

В Гражданскую войну, в голодовку, Яков с мужиками-односельчанами поехал в Балахну за солью. Раздобыли они там пуда по три соли. Находясь на перроне вокзала и ожидая попутного поезда, мужики от наплыва довольства и радости (достали соли) шутили, балагурили. Перед самым перроном взад-вперед катались товарные вагоны – маневровый паровоз составлял поезда. Тут же торопливо сновали туда-сюда сцепщики-кондукторы. В это время и вздумалось Якову крикнуть:

– Крути, Гаврила!

Этот выкрик показался для сцепщиков оскорбительным. К Якову подскочили двое. Обличив его в нарушении железнодорожного порядка, повели его в станцию с целью наложения штрафа в сумме пятьсот рублей, предусмотренного за подобные нарушения. За Яковом последовал один его товарищ, что будет с ним. Яков, испугавшись и опасаясь, как бы

дело не обернулось худшей стороной (могли его задержать надолго и отобрать соль), он согласился штраф уплатить. Но вот беда: в кассе станции не оказалось денег для сдачи с тысячной бумажки, которая осталась у Якова от покупки соли. Как тут быть, вот загвоздка! Из собравшейся толпы зевак кто-то в шутку предложил: «А ты мужик, крикни еще раз «крути, Гаврила», и дело с конца».

И то дело, растерянно и робко согласился Яков, и, желая поскорее разделаться с этой неприятной ситуацией, он уж не столь громко, фальшиво в полголоса крикнул:

– Крути, Гаврила!

Сдача больше не потребовалась. Вся тысячерублевая бумажка пошла в штраф. Вместо деньги Яков засунул в свой широченный карман ненавистную для него квитанцию. Толпа, нахально издеваясь над Яковым, злословила:

– Ну, как, мужик, дорого обошёлся тебе Гаврила-то? Ха-ха-ха, го-го-го!

– Да! Мать бы его – вздыхая, щупал Яков в кармане, ознобом обдающую все его тело, квитанцию. Хотя соль и была благополучно доставлена домой, но злосчастная квитанция долго была предметом воспоминания об оплошном приключении Якова. Он после говаривал:

– Каждый раз, идя на станцию, я вспоминаю про злосчастную квитанцию.

Сила Михаила Федотова

На дворе у Федотовых заспорили. О силе спорили отец Иван с сыном Михаилом. Стараясь друг друга перекричать, они доказывали вся свое:

– Нет, Мишка, не сдержат тебе! – утверждал Иван.

– Нет, сдержу! – петушился Михаил.

– Ну, давай испробуем!

Они через задние ворота в огород вывели лошадь. За лошадью гадюкой ползла привязанная к хвосту лошади возовая веревка.

– Ну, давай, начинаем! – скомандовал отец. Михаил, крепкий телосложением, саженого росту, грудь колесом, кулаки – безмены, обладающий силой Ильи Муромца, цепко ухватился за свободный конец веревки. По-бычиному напыжился, стал упираться ногами в землю. Лошадь вел по тропе к сараю Иван. Михаил, стараясь сдержать ход лошади, упершись, чертил кожаными сапогами землю. Сзади его пролегли две процарапанные каблуками бороздки. Иван, оглядываясь назад, торжествующе усмехаясь, подзадоривал сына:

– Ну, что, силач! Бороздишь! – с ухмылкой в смехе, трясая своей козьей бородкой. – Ну, что, ешли твою мать! Видать, кишка тонка! Мало каши ел! Наша взяла! – подзадоривая, растропаливал он сына.

Михаил молчал, но не сдавался. Изловчившись, он успел

закинуть конец веревки за врытый здесь в землю столбик, как удав, извернувшись, присел на корточки, его тело приняло вид завязавшегося живого узла. Он все телом напряжился. От натуги на нем с треском лопнули штаны, на мускулах в лоскутья расползлась рубаха. Лошадь внезапно остановилась, не в силах перетянуть упершегося в землю Михаила. Как ни горячился Иван, понукая лошадь, она, топчась на месте, не осиливала Михаила.

Присутствующие свидетели дружно закричали:

– Держит! Держит! Не сдавай, Михаил!

Восхищаясь силой, они восхваляли Михаила:

– Силен! Лошадь, и то остановил! Вот это сила, как у богатыря! – дивились люди.

– Сдаюсь! – довольный силой сына, в смехе оскалившись редкозубым ртом, признался Иван. – Силен! Силен! Ешли твою мать! – торжествовал от успеха сына Иван.

А Михаил, одержавший победу своей силой над силой лошади, горделиво стал расхаживать по тропе, разминая натруженные ноги, поглаживая затёкшие от натуги руки. На нем лохмотьями трепыхались на ветру лоскутья от штанов и рубахи, оголяя сбитое в мускулы тело. Иван, продолжая петушиться, словами поощрял сына:

– Вот так сила, весь в меня! – и к Дарье:

– Ну, мать, пора Мишку женить! Сила в нем через край прет! Поди-ка, принеси ему мои молестиновые штаны и мою сатиновую рубаху, а то видишь, парень совсем оголился. Как

бы соловей-то не улетел! – закатившись со смеха, добавил он.

Зимой Михаила женили на девке по-совиному глазастой и непомерно маленькой против Михаила. На свадьбе в честь девственности невесты Михаил, на пиру в доме будущей его тещи, со звоном разбил традиционную тарелку.

В доме Ивана Федотова появилась сноха, новый член семьи, новая работница.

– Молодая у нас оказалась такая брезгунья, ничем ее не накормишь! Придётся кормить ее от семьи на особицу, – делась впечатлениями о своей снохе, сокрушалась Дарья в разговоре с бабами-соседками, которые интересовались, каково житье молодой.

Заготовка материала

После войны народ утихомирился, люди успокоились, тревоги миновали, страсти улеглись. С волками как-будто бы рассчитались, их несколько поубавили, их нахальство укротилось. Народ воспрял духом, люди встрепенулись, остепенено стали браться за дело, обзаводились хозяйством, приобретали лошадей.

Савельев Василий год тому назад сменил свою устаревшую лошадь. Он в Чернухе, за шестьдесят пудов ржи, купил (добротного мерина) мастью серого в яблоках. «Серый» скоро привык к новому хозяину, оказался ко двору и с лошадиным пониманием своего хозяина трудился в хозяйстве, добротнo выполняя полевые работы, угождал нраву и требованиям вспыльчивого хозяина. Но и хозяин не мог нахвалиться добротностью своего коня Серого, всячески поощрял его трудовое усердие, кормил, не жалея овса и сена. По ночам частенько вставал, подсыпал в кормушку овса, подмешивал в колоде к корму отруби, сдабривая корм мучной посыпкой.

Выстроив дом на Лесной улице и отделив в него сноху Анну Пенкриху, Василий со своей семьёй теперь занял весь дом. Нижний этаж остался для повседневного пребывания семьи и как кухня, а верхнюю комнату, переоборудовав, он

приспособил для торжеств во время праздников и к приёму гостей. Верхняя комната стала семейной горницей. В потолке нижней избы и в полу верхней комнаты Василий Ефимович прорезал отверстие, огородил его перилами с точеными балясинами. Сам смастерил в десять ступенек с точеными балясинами лестницу и установил ее для внутреннего сообщения между обоими помещениями: верхней и исподней.

Из теплых сеней в нижнем этаже Василий сделал третью жилую комнату, которую называли прихожей. В ней была сложена печь-лежанка. Она служила подсобным помещением и как мастерская.

Теперь дело стало за двором. Василий задумал построить такой двор, чтоб было всем на диво, и он его построил. Всю эту зиму он занимался заготовкой лесоматериала. Со станции, с лесопильни завода возил тес, из леса возил на Сером бревна, слепи и жерди. А в погрузке бревен и теса Василию Ефимовичу помогал сын Минька. Обличием черненький, Василия Ефимовича первенец Минька весь в отца, в мускулах. Не по годам изрядная накапливалась сила, и отцово подзадоривание создали азарт в молодом парне. Он целыми днями увлечённо занимался трудом, помогая отцу. Василий радовался, что сын такой сильный и ловкий в делах. Он горделиво восхвалялся перед мужиками:

– Вот и помощника себе нажил! Не парень, а орел! – ликовал он.

А мать, нахваливая сына, бабам говорила:

– У нас Минька-то целыми днями с отцом бревна да тес возит. Дюжий, не сдастся! Такой сильный, отцу не уступает! – горделиво расхваливала она Миньку.

– От натуги при погрузке бревен, у Миньки-то даже рубаха на плечах лопнула, пришлось отцову подать, хоть она ему и великовата, да ничего, женить-то ведь еще не скоро, – продолжала ликовать она перед бабами.

Непосильная работа не прошла даром для парня. От натуги ночью у него открылись боли в животе, парень заклохтал, заохал. Ужом извиваясь по постели, он руками гладил оголенное брюхо. Вся семья всполошилась. Мать, глядя на корчившегося от боли сына, заплакала, укоризненно упрекала Василия:

– И что ты такого малолетка бревна ворочать заставляешь! Он ведь еще совсем ребенок!

Василий сам не в меру расстроенный, оправдывался:

– Так ведь он сам по глупости поднатужился, вот и получилось с ним!

Бабушка Евлинья, стараясь чем-то помочь внуку, решила накинуть ему на живот горшок. Опряденый хлопок она подожгла спичкой, всунув его в горшок, поспешно приложила горшок к жидковатой брюшной коже Миньки. Минька, ойкнув, стал наблюдать, как в горшок засасывает полбрюха. В животе у Миньки полегчало. Видя, что Минька повеселел,

отец, чтоб смягчить свою вину, с похвалой позволил себе высказаться о силе сына:

– Вообще-то он молодец! Силу в себе чувствует. Ты, говорит, пап, берись за вершину, а я под комелек подберусь.

– Вот и сбедил парня-то! – озабоченно причитала мать.

Бабушка Евлинья, хлопоча около больного, успокаивающе приговаривала:

– Горшок-то самое полезительное дело от срыва в животе. Первое средство! Как рукой снимет. Только бы понос не открылся, а то все пройдёт, бог милостив.

– А, может, бы в больницу? – с печальной тревогой заметила мать.

– Вот еще чего выдумала! С таким пустяком скорее и в больницу! – обрушился на нее отец, не любивший вообще обращаться к врачам.

– У него и так все пройдёт. Поваляется на постели денька два, и отудобит. Так что ли я говорю, Минька?

– Так, – облегченно ответил немножко повеселевший Минька.

– До свадьбы-то все подживёт, – с шутливостью улыбаясь, заметил отец и пошёл во двор, присмотреть за скотиной, подбросил корове сена и Серому подсыпать овсеца.

Денщики и воры

Жизнь в селе шла своим чередом. Парни женились, девки выходили замуж, дети нарождались, дети и помирали, помирали и взрослые. То мужик обопьётся, то парень умрет от «переворота кишок» то баба умрет в одночасье...

Плохие бытовые условия деревенской жизни пагубно влияли на жизнь детей. Марля с жеваным хлебом, коровий рог с соском от коровьего же вымя, грязь, мухи, клопы, тараканы, загаженное тряпье и провонявшая от мочи солома в лубошной зыбке – вот обиталище и принадлежности для существования и жизни деревенского ребенка. В летнюю пору зачастую ребенок оставлялся на попечение маломощных глухих старух или же на малолетних нянек, которые, порой, будучи еще и сами детьми, заигрывались и забывали о порученном им ребенке. Или забывали его покормить, или же забывали его целый день попоить. Были случаи, дети помирали в зыбке от жажды. А мать, накормив досыта грудью ребенка утром, на весь день уезжала в поле или на сенокос, или на жнитво.

Да и сами матери, работая до упаду и невзрачно питаясь, иногда мякиной, лебедой и желудями, были исхудалыми и тощими, не способными скопить надобное количество молока в грудях для своего ребенка.

Здоровые от природы дети выживали, а слабые помирали. Происходил как бы естественный отбор, в основе которого неумолимый закон природы, борьба за существование заложена в живом организме способность бороться за свое существование. Живи – нет, помирай!

Почти каждый день относили маленькие гробики с мертвыми детьми на кладбище. Из домов на улицу выходили бабы, в скорбном молчании унылым взглядом сопровождали они небольшие похоронные процессии, крестились вслед. Осведомлялись друг у друга:

– Эт, чьево маленького-то хоронют?

– Да у Марьи мальчик умер, – отвечали из толпы.

Если у матери умирал единственный и последний ребенок, то ей, сожалея, сочувствовали. Если же ребенок умер, только убавив целую ораву детей – в адрес ее говорили:

– Какая Марья-то счастливая, хоть на одного да поубавилось, а то, как только она, бедная, с такой обузой справляется, – вздыхая, высказывались бабы. По привычке забавляясь с ребенком, который в минуты блаженства, беззаботно играя, протягивался на лавке, любящая мать или довольная бабушка своему улыбающемуся детищу скажет умиленную любезность:

– Эх, какой тебе гробик-то надо!

Детей хоронили без отпевания и колокольного звона. Их безвинные души уподоблялись ангельским. А порой троекратный удар в большой колокол на колокольне извещал о кончине взрослого человека, одного из жителей села, ушедшего из мира сего в загробную жизнь. Любопытные, особенно падкие до новостей бабы, выходили на улицу, взаимно друг дружку спрашивали:

– Эт кто умер?

– Да вот, слышь, Емельян.

– Ну-у-у!!! – это значит, в Шегалеве.

– Царство ему небесное! – перекрестившись, желали скончавшемуся христианину, односельчанину.

По новопреставленному справляли поминки, отмечали девять и двадцать дней, справляли сороковины, а также отмечали годину.

Почему же баба узнала, что умер именно шегалевский мужик Емельян? Да потому, что таких имен в первом обществе не было, а они были только в Шегалеве. Этот вопрос имеет историческую давность. Дело в том, что еще в прошлом столетии бывший в то время мотовиловский поп Василий, отец нынешнего попа Николая, попросил у шегалевских мужиков, чтоб они ему нарезали землю поближе к дому – одворицу. Мужики воспротивились этому. Поп на них осердился

и при крещении шегалевских младенцев давал им имена не по просьбе родителей, а строго по святцам: в какой день производилось крещение, имя присваивалось новорожденному такое, какой был святой в этот день. Поэтому-то и появились в Шегалеве обособленные имена: Елисеи, Ерофеи, Емельяны, Кондратии, Евстрафии, Филиппы, Онуфрии, Трофимы.

Об опойцах (которые опивались вином или самогонкой) в колокол не звонили, их не отпевали. Их даже не позволялось хоронить на общих христианских кладбищах. Их просто зарывали в бору, как это сделали с неким Сипатром.

Были случаи, что некоторые жители села, мотовиловцы, помирали не своей смертью, а погибали при несчастных случаях, как это случилось с Иваном Аникиным. Он, будучи пьяным, уснул в избёнке мельницы его отца Федота. В избёнке случился пожар, а сын его, тоже Ванька, вместо того, чтобы спасти сонного, пьяного отца, взял, да и оставил его в горящей избёнке. Избёнка сгорела. Иван превратился в головешку. А старик, Комаров Михаил, погиб на крючке, на самом обыкновенном проволочном крючке, на который обычно вешают лампу. Как ему самому угораздило засунуть этот крючок себе в рот, никто не знает, только кончилось это тем, что он, промучавшись более суток, умер. Крючок подпилком отпилили, а его схоронили.

Водились по дорогам разбойники и грабители. Были и убийства. Одного шегалевского мужика, Михаила, убили за деньги, с которыми, якобы, он поехал на базар в село Вад. Грабители его убили ночью на дороге, денег при нем не нашли. Лошадь с санями и с убитым в них хозяином пришла к своему дому, остановилась у своих ворот. Убитый вскоре же был обнаружен, при общем крике семейства. А деньги оказались целыми. Они были спрятаны в условленное (для домашних) место. Они находились под хомутной покрывкой. Грабители-убийцы их найти не могли: карманы обшарили, а в хомуте поискать не догадались.

Нередки были случаи посещения Мотовилова разнородными прохожими и нищими. А кто его знает, то ли он нищий, то ли он только прикинулся прохожим, а сам глядит, высматривает, что где плохо лежит. Как-то, Савельевы Василий и Любовь уехали в город – кое-что купить для хозяйства и сделать покупки для семьи и ребятишкам. Бабушка Евлия домовничать за старшего. В первую очередь, она дала распоряжение:

– Санька, сходи-ка во двор, принеси дрова, галанку затопим, а то что-то у нас холодновато стало, а ты, Машенька, возьми косырь, да нащепай лучины, сейчас затоплять будем.

Голанку в верхней избе затопили, стало теплее и уютнее. Минька где-то загулялся, его ждать не стали, после ужина заперлись. Вдруг в окно кто-то забарабанил.

– Кто там! – отозвалась на стук бабушка.

– Эй, хозяйева! Пустите в избу!

– Кто тут! – переспросила бабушка, выйдя в сени, шуба внакидку.

– Пустите обогреться! Погибаю! – жалобный голос за сенной дверью.

– Проходи. Откудова будешь, родименький? – стала допытываться бабушка у прохожего, когда тот вошёл в избу.

– Не дайте погибнуть, спасите ради Христа! На улице холодище, прямо-таки беда! Прохожий я, пробираюсь домой в Архангельскую губернию, – стал пояснять прохожий, немножко выждав время и зорко осматривая внутренность избы по углам. Санька, Манька, Ванька и Васька с детским любопытством разглядывали незнакомца, а сердобольная бабушка захлопотала, засуетилась, с чувством сожаления продолжала разговор:

– Эх, куда тебе идти-то! Туда, чай, не ближний свет, небось потопаешь! – сочувственно ужасалась она.

– Да, тысяча верст с гаком, пожалуй, будет, – уточнил прохожий.

– Ты, чай, есть хочешь? – не прекращая разговор, любопытствовала бабушка.

– Как не хотеть, весь день не евши! – обрадовался приветливости, притворно проговорил незнакомец.

– Я сейчас похлёбки тебе налью, будешь хлебать-то?

– Как не быть, давай!

Наевшись, прохожий поблагодарил за хлеб-соль, как-то неумело перекрестился:

– Мне бы прилечь где?

– Вон на кутник ложись и спи. Я вот кафтан тебе в голове положу, а оденешься чапаном.

С вечера и к полночи прохожий что-то плохо спал. Часто в постели возился, подозрительно беспокоился. Чуткая во сне бабушка все время наблюдала за ночевальщиком, а он, как– будто задумав что-то лихое, не переставал на кутнике шархориться... Он хотел было закурить, но бабушка, смертельно ненавидя курильщиков и не перенося запаха табака, сразу же его осадила:

– У нас в доме не курют! – строго предупредила она.

Тот затих и немножко успокоился. Установившаяся в избе тишина иногда нарушалась: то Санька выйдет на двор по своей надобности, то Ванька выйдет в сени и на крыльцо к лунке, то Васька запросится, чтоб бабушка проводила его «на двор», то Минька, пришедши с гулянья, зажигал огонь и шебушил стульями, укладываясь спать.

В полночь к Савельевым пришли денщики-караульщики: Мишка Крестьянинов и Олешка Трынков. Они дежурили со стукалкой на улице до полночи, а с полночи очередь сторожить улицу Миньке с Павлом Федотовым. Таков уж порядок заведен в селе, чтоб предохранить село от лихих людей, от краж и пожаров. А лихие люди велись повсеместно. Установлена очередность: двое соседей дежурят до полночи, а сле-

дующие двое – после полуночи, и так по очереди, по порядку домов. Отдежурившие свое время переносят специальную доску, на которой начертано «Ночной караул», от своего дома и переставляют ее к углу дома, чье наступает следующее дежурство. Минька с Павлом вышли на улицу. Обозревая дома, дворы и мазанки, стали не спеша ходить по дороге взад-вперед по своему участку: от Дунаева перекрестка до часовни у прогона, особенно тщательно следя за своими дворами. Разгоня дремоту и прыгая, греясь от мороза, они время от времени стучали в специально сделанную стучалку (принадлежность денщиков). Тем самым доказывая, что ночные стражи села не спят и не позволяют лиходеям заниматься злонамеренными темными делами.

Вдруг на них из ночной темноты нарвался незнакомый человек. Он, взволнованно прокашлявшись, спросил растерянно и неуместно:

– Слушайте-ка, вы не знаете, как тут у вас найти церковь?

– Как не знать! Ее издали видно, она у всех на виду. Вон она! – добродушно и наивно ответил ему Павел.

– А ты случайно не скажешь нам, сколько сейчас время? – в свою очередь поинтересовался он.

– Нет, не скажу, не знаю, я не здешний, – четко отговорился незнакомец и поспешил от них удалиться, скрывшись в снежной мгле.

Вечером из города возвратились отец с матерью. Раздавая

ребятишкам покупки, карандаши и тетрадки, они слушали от них торопливые, наперебой, рассказы о новостях. Наговорили столько рассказней, что только слушай. Новостей этих порассказали целую уйму – в короб не покладёшь. Санька доложил о странном ночевальщике. Минька о своем дежурстве на улице, а бабушка о подозрительном прохожем и о чужой пропаже.

– Ночевальщик-то, видно, вовсе не прохожий из Архангельской губернии, а какой-нибудь из неподалёкого села. Я его и накормила, и постель на кутнике постлала, а он всю ночь ворочался, потом с каким-то умыслом притаился и после полночи тайком совсем из избы пропал. Я уж тревожно вставала, выходила во двор, проверяла, как бы чего не считил он.

– Нет, бог милостив, все цело, все на месте. А хватъ, на утро слышим-послышим, в Кужадонихе, у Ермолая Захарова корову со двора увели! В лапти обули и через задние ворота увели. Быть это он, наш ночевальщик. Я бы сразу опознала его. Вот какая оказия! – озабоченно сокрушалась она.

– Да, есть люди, прельщаются чужим добром, – сочувственно заметила Любовь Михайловна, – Бог все равно вырвет! Не впрок чужие труды.

– Запоры халатно делают! – укоризненно к нерадетелям к своим хозяйствам высказал свое замечание Василий Ефимович.

– А почём, бишь, хлеб-то на базаре-то? – спросила сына

бабушка Евлинья.

– Хлеб не дешёвый. Все в цене держится, не укупишь. Да и вообще-то в городе дороговизна такая во всем, что ни к чему и не подступишься, – с деловитостью пояснил он.

А в семье Ермолая уныние и вздохи о пропаже. У ворот двора скопился народ. Мужики и бабы сочувственно ахали, сострадавая, допытывались о подробностях.

– Да, урон немалый. Корова это тебе не кошка.

– А где влезли-то?

– Перепрыгнули через забор в огороде, отодвинули задвижку у задних ворот. Корову обули в лапти, чтоб замести следы, и увели!

В десятый раз рассказывал о подробностях пропажи встревоженный Ермолай.

– А я и слышал, – вступил в разговор сосед Ермолая, Афанасий, – случайно проснулся часа в три ночи, с просонья явственно слышу, что где-то шалят, а где толком понять не могу. Мне поленилось, парни с девками на улице гуляют, да по закоулкам щупаются, а хватъ вон оно, куда взыграло.

– А что, если бы пойти по следам, да поискать? – внес кто-то предложение.

– Поди, найди! Ее уж давно, наверное, закололи, да продали или упрятали в закромах. Нет, уж видно, что с возу упало, то пропало, – заключил беседу Ермолай, едва сдерживая слезы.

– Кто на чужое зарится, тому бы ни дна, ни крыши, – с ненавистью к ворам высказался кто-то в толпе, которая мало-помалу стала таять.

Анна Гуляева (Булалейка)

Стоит у прогона на Главной улице небольшая избёнка, смотрит она с любопытством двумя окошками на дорогу, а третьим, боковым, в пробел вдоль улицы, как бы разглядеть и увидеть все и не пропустить ничего, что делается на улице. Живет-проживает в этой избёнке вдова-одиночка Анна Гуляева.

По фамилии ее в селе мало кто называет, а больше всего называют по прозвищу. Была у Анны единственная дочь, да и ту она выдала замуж в семнадцатом году. Мало, когда Анна сидит дома, особенно летом, то и знай, висит у нее на сенной двери ржавый, величиной не покроешь шапкой, замок – безусловный сторож немудрящего Аниного вдовьего добра.

Анна – баба особенного склада, с необыкновенным складом и вкусом. Любит она, например, есть протухшие яйца, покрывшуюся ржавчиной селёдку, из непромытых телячьих, овечьих или свиных требухов, принесённых кем-либо из приближенных, она варит себе суп – ест и нахваливает. Из-за беготни по селу ей иногда даже и поесть-то некогда. Она навадилась вставать и есть среди ночи, когда же ей бабы заметили на это, что «уж ты, Анна, не перед смертью ли так-то делаешь?», она эту привычку бросила.

Попавшую в кринку с молоком мышь она вытаскивала, тщательно очищала ее и выбрасывала в окошко, а в согревшееся и прокисшее молоко она для охлаждения временно помещала лягушку. Любит Анна собирать новости по селу, причём новости она старается заполучить свеженькие, из первых рук.

За собирательство и за распространение новостей, за резвый язык, за неумолчный разговор в селе прозвали ее балалайкой. Некоторые называют ее просто струной, а большинство жителей села именуют ее булалейкой. Прилипло это прозвище к ней, как репей к овечьему хвосту, и прилипло навечно.

Будучи еще девкой, сенокосила она с отцом и матерью в лесу. После обеда, разморенная жарой, она прилегла под кустом на траве отдохнуть, да и уснула. В это время приснился ей сон, что она, натерпевшись от жары и жажды, припала к лесному холодному ручейку и с жадностью стала пить студёную воду. Наяву же ей в приоткрытый во сне рот заползал уж. Во сне, напившись, она вздрогнула и с испугом проснулась: изо рта торчал кончик ужава хвоста. Она немо в ужасе закричала, всполошила отца и мать. Взбудораженные диким криком, они в растерянности сразу не поймут, в чем дело, а когда поняли, пришли в ужас. На крик сбежались люди. Мать Анны была практический человек, она знала, что змею или ужа в таких случаях выманивают и высвобождают

из нутра человека на запах ягод земляники. Сбежавшиеся бабы дружно принялись за сбор земляники, благо в сенокосное время их изобилие.

Анну спокойно уложили в шалаше на разостланное душистое сено, ко рту ей насыпали кучку душистой земляники. Ее отец, притаившись у изголовья, дрожа всем телом, нетерпеливо ждал, что будет. Вскоре уж стал хвостом вперед выползать изо рта, а когда он выполз наполовину, отец Анны с силой и яростью выхватив его, с остервенением ударил его головой о берёзу. Все облегченно, радостно вздохнули от благополучного исхода беды. У всех на глазах появились слезы радости. Анна, встрепенувшись, кашлянула, харкнула и выплюнула скопившуюся гадкую слюну.

Впоследствии, когда Анна, будучи уже замужем, а потом вдовой, бабы промеж себя судачили:

– Уж не уж ли тогда повлиял на язык Анны, что она больно резва на него? Всегда говорит и в разговоре всегда ее очередь!

За мягкий, незлобивый характер и допытливый ум ее уважают в селе. Она первой узнает все новости, касающиеся бытовой стороны сельских жителей. Она первая услышит, кто умер, у кого народился ребенок и кто у кого усватал. Она славится специалисткой в вопросах сватовства. Если у

кого-либо в этом вопросе возникнет затор и тормоз, то приглашали ее. Она все дело уладит, любой разрыв склеит. За всезнайство и всестороннюю деятельность ее прозывали еще «живой газетой». У нее всюду знакомство и кумовство.

Смелость у нее невероятная. Односельчане про нее разговаривали: «Она не постесняется, к царю войдёт!» Зачастую ее приглашали и на торг при продаже или при покупке коровы: она считалась в селе понимающей в этом деле, хотя сама корову никогда не держала. Бегло осмотрев корову наружно, она гладила ее за рога, тайком отсчитывала рубцы на них, тыкала заскорузлой рукой в бока, щупала хвост, потом, блаженно закатив глаза, нахваливала покупателей:

– По предметам корова хорошая, берите, покупайте, – заключала она свой сложный осмотр.

Уборку: землю пашет, сеет, урожай убирает, каждый год у Анны справляет Иван Федотов исполу. Она эту основную статью дохода своего немудрящего хозяйства пустила на бесконтролье, в поле почти никогда не бывала (ей и неколи – надо новости собирать), располагалась на честность Ивана. Сколько намолотит и подвезёт прямо к ее дому:

– Принимай, Дорофеевна, готовый урожай!

И на этом она довольна, с весёлой душой благодарствовала Ивана. Печь, по летам, Анна почти никогда не топила, а если и топила, то, завидя проходившую мимо ее дома бабу,

она поспешно выскакивала из избы и заводила с ней разговор, затягивающийся иногда на полчаса, а то и на весь час.

Не про нее ли бытует в народе поговорка: «Пошла по маслу, а в печи погасло!»? А у нее бывало и так, что не только не погасло, а наоборот, вся похлёбка выкипела и чугуны полопались.

– И поговорила-то малость, а в печи ничего не осталось!

От редкой топки печи у нее в трубе с весны галки вьют гнезда, натаскивая в нее уйму прутьев. Выводят там белоглазых крикливых галчат. Все лето галки, не покидая Анниной трубы, шумливо и крикливо обитают около ее избёнки. А под осень, когда уже наступают холода, Анна вздумает печь протопить, накладёт дровец, подожжет их, а дым весь в избу. В таких случаях идет Анна к ворожее, Настасье Булатовой, чтоб та поворожила, от чего дым идет не в трубу, а в избу.

– А ты пригласи печника! – надразумляла ее Настасья.

Печник, дедушка по прозвищу «Баный», вытаскивает из трубы целое паймо прутьев.

Любопытное подглядывание в чужое окно с завалинки, было одним из любимых занятий Анны. Она целыми уподами в осенние тёмные вечера, прилипнув глазами к окну, упёршись на шест, на который обычно развешивают стирное белье для просушки. Примостившись поудобнее, при-

льнёт к незакрытой занавеской щелке в окне и глядит, наслаждаясь наблюдением за бытовыми мелочами чужой семьи.

Она подробно разглядит, кто как за ужином ест, у кого какой рот, у кого какая ложка, кто как разговаривает, кто как смеется, кто как кашляет, кто как молится. Случалось, с ней такое, не рассчитав прочности гвоздя, на котором закреплён шест, или забывшись, что она сидит не на лавке, а, как курица, на насесте, она внезапно срывалась и с грохотом падала кверху тормашками, в испуге вскакивала и бежала, куда глаза глядят, боясь погони.

За Анной водится грешок – она не чиста на руку. Она не против прибрать к рукам чужие мелкие вещи, особенно те, которые, по ее понятию, плохо лежат. У нее, видимо, на этот счет имеется своя теория: «Что у людей плохо лежит – брюхо болит!».

Счистить или стибрить она умеет прямо-таки мастерски: в глазах украдет, и никто не заметит. Она по этому поводу частенько проверяет чужие бани, особенно вскоре субботы, когда люди обычно моются и по своей халатности оставляют в бане свое белье, корыта, ведра, обмылки, спички. Это все прибирается приборчивой Анной.

О крупных пропажах люди ходят гадать к ворожее Настасье Булатовой, о мелких же обращаются к Гуляевой Анне.

Анна только что побывала у Федотовых – вскоре они хва-

тились замка, которым обычно запирали дом:

– Саньк, беги – быть Булалейка его стибрила! – посылая отыскивать замок, обратилась Дарья к сыну.

Санька следом побежал к Анне:

– Теть, как только ты от нас ушла, у нас из сеней замок пропал, и теперь избу запереть нечем. Ты случайно его не брала? – обратился Санька к Анне.

– Н-нет, не знаю, не видела, не брала! – смущенно проговорила, оправдываясь, она.

– А Ванька Савельев говорит, что видел, ты чего-то совала в запазуху! – обличительно приставал Санька к ней.

– Так это я ваш замок к месту прибирала, уж больно он у вас зрей лежал, мне и подумалось, надо, мол, прибрать, а то кто-нибудь украдет его, вот я и прибрала его. Только не подумайте, что я его украла, а просто к месту прибрала, вас пожалела! – добродушно смеясь, наивно оправдывалась Анна. Возьми его, если он вам нужен, вот он, в чулане на гвоздике висит.

Санька, рывком схватив замок из рук Анны, со всех ног припустился домой. Открыв дверь, впопыхах, словно за ним гналась стая собак, прямо с порога радостно возвестил:

– Замок нашёлся!

– Где он был? – удивленно спросил его отец Иван.

– У Булалейки, – коротко пояснил Санька.

Иногда к Анне приходили «поворожить» о мелкой пропа-

же. Сначала она, слезливо божась, не сознавалась, копытилась, а потом, добродушно рассмеявшись, «находила» припрятанную, ею же украденную вещь. Вообще она имела способность внезапно прослезиться и заплакать и тут же весело рассмеяться.

Устинья Демьянова

Под стать Анне Гуляевой, через прогон от нее в хибарке о двух окошках проживает Устинья Демьянова. В хозяйстве Устиньи помимо избёнки имелась и живность: коза, три курицы с петухом, кошка и на печи в пазах уйма тараканов, а по летам вдобавок уйма мух.

В девках Устинья была Забродина. Замуж ее долго не брали – браковали. Будучи уже в годах, Устинья весной 1914 года вышла замуж за Мишу Демьянова. Всю свою запоздалую любовь она изливала во внимании к своему Мише. Про ее, не в меру услужливость мужу, рассказывают очевидцы о забавном случае, происшедшем с ней в первый год ее замужества.

Любила Устинья своего Мишу до потери сознания, холила его и дула на него. В баню мыться они ходили к ее братьнику Якову Забродину, причём непременно вместе. Однажды из бани Миша шел распаренным, а перед ним, пятясь задом, шла Устинья и трепыхала пропаренным зеленым венником, тем самым создавая для Миши ветерком благоприятную микроклиматную прохладу.

И случилось непредвиденное препятствие: в проулке на тропинке, где должен проследовать из бани Миша в сопро-

вождении его жены Устиньи, стояли с ведрами на коромыслах и разговаривали две бабы. Шедшая за водой на озеро Дунька Захарова тут встретила с полными ведрами воды возвращающуюся с озера Татьяну Оглоблину. Между ними завязался задушевный разговор на тему сватовства, который до того увлёк их, что они просто-напросто не заметили шествия любезной пары.

– Посторонитесь, посторонитесь, – властно и грозно попросила Устинья мешавших баб.

– А ты проходи себе мимо, чай, мы тебе не мешаем, – спокойно ответила ей Дунька.

– Вы что, разве не видите, мой Миша из бани идет, а вы тут на самой дороге встали и проходу не даете! Неужели Миша, такой распаренный и усталый, обходить вас должен? – высказала убедительные доводы Устинья.

– Обойдёт! Не больно, какой барин, – улыбаясь, отшучивалась Дунька.

– Вы же ему мешаете, всю дорогу загородили и ходу не даете. Сойдите с тропинки, и он спокойно пройдёт, – начиная кипятиться, упрашивала она баб.

– Нет, не сойдём, пусть обходит, – упорствовала несговорчивая Дунька, – подумаешь, какой земский начальник нашёлся.

– Нет, не будет мой Миша вас обходить! Дайте дорогу нам пройти! – требовательно напирая, настойчиво приказала Устинья бабам.

– Да в конце-то концов, ты что к нам привязалась, как банный лист, – начиная злиться, огрызнулась на нее Дунька.

– Не отвязуйся, до тех пор, пока парной Миша не пройдет без помехи! – упорствовала Устинья.

– Да дристали мы на твою Мишу с высокой колокольни! – не выдержав и вконец разозлившись, ехидно щерясь в улыбку, отчеканила Дунька.

– Эт как, дристали?! – начиная входить в полный азарт ругани, переспросила Устинья, упёршись уничтожающим взглядом в Дуньку. – Чай, ему не снова в баню возвращаться из-за вашей-то дрисни?

– Ах, ты, хабалка! Ах ты, шлюха, мало тебя мужики-то по овинам-то водили! – начала она обесчестивать и всячески обзывать Дуньку. – Да ты знаешь ли, кого затронула, да у меня брательник в волостном управлении сторожем служит, ах, ты такое позволяешь! Хошь, я тебя за это засужу и в остроге сгною! – всю раскудахталась грозная Устинья.

А Миша с нахлобученной на мокрую голову и обвернувшейся вокруг шеи бабьей рубахой, весь закутанный, стоял и ждал исхода бабьей перебранки. Он про себя что-то плямкал разопревшими, закутанными тряпьем губами, но слов его не было слышно. Да от него слов и не требовалось, за него работала языком благоверная жена, способная отъесться от семи собак.

– И что разоралась, и что раскипелась, как холодный самовар, и сама не знает, – с презрением урезонивала Дунька

Устинью. – Думает, чай, ее испугались. Собака лает – ветер относит, только и всего, – вконец разоружив Устинью, закончила отповедь Дунька. – Мы с Татьяной про дело толкуем, про сватню разговор вели, а ты тут разгавкалась. Все дело у нас помрачила и разговор на самом интересном месте прервала, – упрекая Устинью, высказалась Дунька.

Миша, не дожидаясь конца перебранки, решил обойти баб. Он, важно и широко шагнув в сторону, с презрением поглядел на непокорных баб, проследовал мимо их, мстительно пыхая банным теплом на зловредную Дуньку. На его спине трепыхались подштанники, оберегая спину от лихих ветров и предохраняя его разгоряченное тело от коварной простуды. Устинья тут же, на полуслове бросив спор, поспешила к Мише, она по-прежнему заняла позицию, и все также пятясь перед ним задом, услужливо стала махать перед ним веником. И так до самого дома. Устинья в душе со злопахательством проклинала Дуньку, посылая ей сто чертей и лукавого в придачу.

Проводив Мишу до дома и уложив его на кровать для отдохновения, Устинья снова вернулась в баню – ей нужно было грязное и помоченное в бане белье прополоскать на озере. Бабы же, стоя на старом все также с ведрами на плечах, продолжали свой прерванный разговор. Они по несколько раз переместили коромысла с плеча на плечо. Полные ведра воды тяжело давили на плечи Татьяны, но она упорно терпела

и продолжала стоять, увлеченная разговором.

Проходя мимо баб, Устинья, зверем взглянув в сторону Дуньки, злобно бросила в адрес колкое слово. Дунька от этого слова всем телом трепыхнулась, но сдержала себя от желания броситься на Устинью, но затаила в себе яростную месть.

Вскороги Устинья, выйдя из бани и зайдя на мостки, принялась за полоскание белья. Наблюдавшая одним глазом за Устиньей Дунька, внезапно оборвав разговор с Татьяной, торопко поставив ведра на землю, притаившись, полусогнувшись, стала красться к мосткам и со всего размаху оттолкнула в воду забывшуюся Устинью. Устинья только и успела в испуге вскрикнуть «Кра...!» Не успев докричать конец фразы, она с головой погрузилась в воду, а вынырнув, отфыркиваясь и отплеываясь от попавшей в рот воды, очумело выпучив от испуга глаза, дико заорала на Дудньку:

– Эт ты за што?!

– За то! Не обзывай меня! – мстительно гордыбачилась, стоя на мостках, отчеканила Дунька.

– Ну, это тебе так не пройдёт! – бурля водой и подходя ближе к мосткам, с негодованием угрожала Устинья. – Засужу! В остроге сгною! – не на шутку разгневалась Устинья. А Дунька, победно встав на самый конёк мостков, подпёршись руками в бока, горделиво и с надсмехательством раскачивая головой направо и налево, подтрунивала над барахтавшейся в воде Устиньей:

– А ты сперва выкарабкайся, а там уж и судись!

И присев на корточки, вдобавок ко всему она стала издевательски брызгать водой в лицо Устиньи, не давая ей приближаться к мосткам.

Наблюдавший с огорода за этой сценой Яков Спиридонович, решил отомстить за свою сеструху Устинью. Он, крадучись, по-смешному пригибаясь к земле, враскачку, чертом попёрся к мосткам и со всего маху чебыркнул Дуньку в воду. От неожиданности Дунька пронзительно на все озеро взвизгнула и, в чем была одета, бултыхнулась в воду. В воздухе взметнулся веер брызг, мгновенно вспыхнула разноцветная радуга. Теперь обе они, Устинья и Дунька, барахтались в воде. Уровень доходил им не выше пупка. Со дна озера вперегонку всплывали сизые пузыри, вода, взбаламученная ногами, замутнено бурлила, пахла гнилостной вонью. Преодолевая упругость воды, натужно работая раскоряченными ногами, блюмкая водой, они обе наконец-то выбрались из бездны. Вода с улюлюканьем стекала с их подолов на землю, стремительно утекала в озеро. Решив продолжить баталию на суше, Дунька ястребом налетела на Устинью, сграбастала ее за мокрые волосы, а та, извернувшись, тоже вцепилась в слипшиеся от воды пряди Дунькиных волос. И пошли они волтузить друг дружку за волосы.

Яков Спиридонович и сбежавшиеся на дикий и яростный крик дерущихся баб народ, едва разнял эту убоюдную драку.

Они разошлись, как разъярённые петухи, унятые в азартной весенней схватке.

Глядеть этот забавный бесплатный уличный спектакль прибежали вездесущие ребятишки. Увидел измоченных в воде по самую шею баб, один парень недоуменно заметил:

– А разве сегодня купальный-то понедельник?

Другой деловито объяснил ему:

– Сегодня суббота, а купальный-то понедельник послезавтра будет! А эти бабы, видимо, вздумали заранее покупаться, да, кстати, видно, и подрались изрядно.

Домой обе бабы вернулись с клочьями выдранных друг у дружки волос. Устинья, разгорячено подступая к еще отдыхающему на кровати Мише, злобно упрекнула его:

– На, гляди, полюбуйся! Признаешь ли, чьи это волосы-то? Это космы твоей! – злорадствуя, совала она под нос Мише клоч выдранных у Дуньки волос.

Миша недоуменно уперся глазами в волосяной скатыш, не стал разжигать семейную драму, промолчал. Этот клоч волос Устинья долго хранила и показывала потом бабам как вещественное доказательство.

Недолго Устинье пришлось лелеять и оберегать своего Мишу. В конце июля того года началась война, а в августе его забрали на фронт, а вскорости Устинья получила известие, что ее Миша погиб в бою близ австрийской границы.

Трудно жилось в войну в селе бабам, вдовам и солдаткам: не хватало хлеба, плохо родилась картошка, половину урожая нужно было отдавать лошаdnикам за уборку. Особенную нужду народ в деревне ощущал в недостатке соли. Весной 1915 года три бабы уговориться поехать в Нижний Новгород за солью. А бабы все те же: Устинья Демьянова – вдова с первых же дней войны; Дунька Захарова – оказавшаяся к этому времени тоже вдовой, и Татьяна Оглоблина – солдатка, муж ее Кузьма в это время был на фронте.

О прошлогодней драке Устинья и Дунька забыли. Война и вдовство помирили их. Нужда и вдовьи заботы сблизили их. Сколотив деньжонок и захватив с собой по пустому мешку, они втроем отправились пешком в губернский город за солью. Как достали, где достали, за сколько достали они по два пуда соли, никто кроме их не знает. На обратном пути у них получилась загвоздка: как добраться с такой тяжёлой поклажей до дому? Пешком с таким грузом не потащишься. Да еще дело осложняется тем, что соль, каким бы трудом она ни доставалась, на железнодорожном транспорте и пристанях беспрекословно отбиралась как продукт, взятый под контроль самим государством по закону военного времени.

Поезда в то время ходили не регулярно, и они-то были битком набиты или военными, или спекулянтами. Бабы-подруги проявили некоторую хитрость. Они не стали дожидаться на вокзале пассажирского поезда, а со своим тяжелым грузом пробрались к месту формирования товар-

ных поездов. Изнурённые летней жарой и ношами, они, маскируясь, поднырнули под вагон длиннющего товарного состава, очутились между двумя составами. Дунька и Татьяна свои поклажи поместили на тормозную площадку одного из составов и стали поджидать поотставшую от них Устинью, которая, увидев, что ее подруги, освободившиеся от своих нош, поджидают ее. Она тоже поставила свой мешок на ступеньку тормозной площадки, только через два вагона к хвосту от подруг.

Тяжело дыша всем станом от усталости, она, не выпуская из рук узел мешка, стояла и отдыхала, а отдохнув, скопив силу, намеревалась перебраться к подругам. Вдруг где-то впереди раздался свисток паровоза. Состав вагонов с грохотом вздрогнул, и вагоны, стронувшись в места, медленно покатились.

Бабы к этому времени уже достаточно отдохнули, лихо вскочили на площадку, оправили свои мешки, а Устинья, тревожно заохав, едва вскарабкалась на ступеньку и с большим трудом втащила свой мешок на площадку. Когда это все было закончено, она, успокоившись, даже позволила себе улыбнуться и, облегченно вздохнув, подумала про себя: «Слава богу, все обошлось благополучно! Хоть и не на одном тормозе с подругами, но все же двинулись в путь».

Не успела Устинья как следует прийти в себя, как перед ней очутился впрыгнувший на ходу рыжий мужик-кондук-

тор. Ей сначала показалось, что он с неба свалился, она даже втайне про себя проговорила молитву. Между тем, поезд, набирая скорость, разошёлся во всю. Колеса заговорили на железном языке свой торопливый разговор, делая перестуки на стыках рельсов, от чего вагоны слегка встряхивало. Сначала кондуктор делал вид, что не замечает присутствие случайной пассажирки, а после того, как поезд миновал последнюю стрелку и семафор, он приступил к Устинье с вопросом:

– Значит, едем?

– Да, едем, – тихо, словно из-под земли, отозвалась Устинья.

– А билет есть у тебя? – нарочито грозно спросил он ее.

– Какой билет? Никакова билета у меня нету. Я от подружки отстала, они впереди едут, а я, вот, тут, – бессвязно и виновато оправдывалась Устинья.

– А в мешке-то что у тебя? Не соль ли случайно? – продолжал привязываться он.

– Да, соль! У нас в деревне все без соли сидят, а сам знаешь, как без соли-то, где похлёбку посолить, а картошку-то и вовсе без соли есть не станешь, – приняв горестное выражение лица, стараясь умиловить кондуктора, виновато оправдывалась она перед ним.

– А знаешь, что соль отбирают и без билета ездить нельзя! – запугивал он ее.

– Знаю, без билета нельзя, да я его купить-то не успела, – дрожью в голосе, с умилением оправдывалась она. – Мы ведь

соль-то возем не спекулировать, а так, для всех, все в ней нуждаются! А признаться по правде, у меня и денег-то на билет нет, все деньги потратила на покупку соли, ведь ее мы не даром достали, не мало за нее денег-то отвалили, – про-должала жаловаться Устинья незнакомому дяде.

– В таком случае, если у тебя нет ни билета, ни денег, придётся тебе расплачиваться натурой, – с ехидной ухмылкой и улыбкой на лице проговорил он.

Сначала Устинья не поняла значения слова «натурой», а когда она увидела нахально уставившиеся на нее глаза, своим женским существом осознала и поняла, о какой натуре идет речь. Но делать было нечего, не лишаться же столь драгоценной соли. Тем более, молодая бабья кровь еще сильнее заработала в стосковавшемся по мужику устиньином теле, когда разговор с устрашения перешёл на любезную тему. И она согласилась. Под неугомонный перестук колёс все делалось...

На станции Кудьма кондуктор не только не согнал Устинью, а наоборот, поучительно наказал ей:

– Ты отсюда никуда не сходи, а если кто спросит, скажи – едешь с мужем-кондуктором, а я схожу в станцию по своим служебным делам.

Пока поезд стоял на станции, подруги стали разыскивать ее, а обнаружив, осведомились, жива ли.

– Жива! – с довольством в голосе ответила Устинья, –

только одной скучновато. Переходите сюда и вы, здесь безопасно и не боязно, – с восторгом пояснила она.

Подруги без особого рассуждения со своим багажом перебрались к Устинье, им стало охотнее и веселее. Вскоре поезд снова тронулся и, как обычно, кондуктор на ходу на свой тормоз впрыгнул. От удивления он даже опешил и с недовольством проговорил:

– Вот тебе и на! Была одна, стало три!

– Это мои подруги! – с тревогой пояснила Устинья, – не прогоняй их! Мы вместе едем.

– Вижу, что подруги, – недружелюбно, досадливо пробурчал он. У него срывался план повторить любезную игрушку с Устиньей – подруги помешали. Дорога со временем утихомирила намерения кондуктора, он смирился с положением, начал разговаривать и шутить со всеми бабами. Всю дорогу до самой станции Серёжа бабы проехали благополучно, пользуясь покровительством кондуктора. Хоть на станции Суроватиха и хотели их ссадить, но защита у них была крепкая. Главный кондуктор этого поезда встал горой за баб. Устинья чувствовала себя королём положения. Наконец-то поезд остановился на их родной станции Серёжа. Кондуктор услужливо помог бабам сгрузить мешки с грузом и каждой пособил взвалить на спину поклажу. А когда он поднял и поудобнее уложил мешок на спине Устаньи, то, воспользовавшись моментом, он с ядреной улыбкой потрогал ее за полные груди. Устинья, стыдливо покраснев, подбородком, ру-

ки-то заняты, отстранила его руки от себя. Подруги не могли не заметить, что «тут что-то не так!».

Не стерпит бабья душа, чтоб не поделиться со своими подругами о своих тайных делах. Пока они шли до своего села, Устинья успела подругам все рассказать, не утаив и о том, о чем надо было бы умолчать. Но она считала теперь своих подруг своими должниками, ведь они проехали без билетов и неоштрафованными благодаря ей, за ее счет.

Всю дорогу до села они весело пересмеивались из-за хорошего настроения, груз на спинах казался им не столь тяжёлым. А когда они подошли к самому селу, Дунька Захарова, задорно усмехнувшись, шутливо выкрикнула:

– Вот мы и без билета дошли!

Но дело так не обошлось. Устинья с этого дня оказалась «с билетом» – на другой год у нее родился сын, весь в кондуктора: такой же рыжий, с такими же шустрými, нахально-глупыми глазами. Устинья сына назвала Васей, а по селу разнеслось известие: Устюшка Демьянова родила Ваську-билет и эта кличка к Ваське прилипла на всю жизнь.

Настасья Булатова

В девчонках Настя Булатова была очень красивой и приглядчивой. Её смугловатое, овальное с черными глазами личико было особо привлекательным. Вместе с подругами и бабами-односельчанками Настя ходила за тридцать верст на поденную работу к помещику Агафонову рыть картошку. При обходе поля, где было занято рытьём несколько артелей баб, сын помещика Анатолий больше всего находился около артели мотовиловских баб, причина – Настя.

Анатолий не на шутку полюбил Настю и так влюбился в нее, что об этом объявил своим родителям, высказав им желание жениться на ней. После некоторого несогласия отец и мать все же разрешили Анатолию пожениться на простой деревенской девушке, происходящей из бедной семьи. В результате дело кончилось тем, что помещичий сын Анатолий женился на простой деревенской девушке-беднячке Насте, когда ей минуло всего шестнадцать лет. Из крестьянской бедности Настя попала в обстановку богатства и роскоши. Одним словом, «из грязи угодила в князи».

Сначала Насте было трудно привыкнуть к житью в новой обстановке. Непривычная обстановка быта обескураживала ее, но безмерно любящий ее Анатолий, приложив много усилий, вскоре перевоспитал ее в духе привилегированного об-

щества.

Отец и мать Насти умерли, когда она не прожила и году замужем. Потеряв связь с родным селом, Анастасия Поликарповна в новой обстановке нахваталась привычек благородства и высокомерия. Стала не в меру прихотлива и своенравна, как потомственных кровей барыня. Она вскорости забыла о бедности и нужде, в которой она пребывала до замужества.

Новоявленная барыня почти ежегодно родила своему Анатолию по ребенку. Большинство из них были девочки. По летам, барин с барыней Настей и со всем семейством выезжали на дачу, которая находилась поблизости от Мотовилова в лесу близ посёлка Прорыв. Бабы и бывшие Настины подруги приносили на дачу продавать кур, яйца, ягоды. Кур и петухов Настасья Поликарповна осматривала самолично, не доверяя повару. Она частенько безжалостно браковала «товар» односельчан, не найдя якобы той желтизны под крыльями кудахтающих, встревоженных кур, которая указывала бы на упитанность. Ягоды, набранные в лесу и принесённые бабами на дачу для продажи, новоиспеченная барыня с напущенным на себя высокомерием заставляла тщательно промывать, брезгуя грязными бабьими руками.

Бабы-землячки, хотя и обижались на свою бывшую односельчанку, такую же лапотницу, как они, но все же всячески

старались угодить ей и были довольны тем, что плоды своих трудов имели возможность продать здесь на даче и получить за это какие-то деньги. Сверстницы Насти, ставшие к этому времени тоже бабами, с великой женской завистью наблюдали, восхищались райской жизнью своей бывшей подруги Насти. С затаённым восхищением наблюдали, как длинный, волочившийся по земле подол роскошного платья Анастасии Поликарповны поддерживали сзади две хожалки.

Однажды в конце лета муж Анастасии Поликарповны Анатолий уехал в Нижний Новгород на ярмарку, где он обещал жене несколько задержаться, якобы справляя свои дела по хозяйственной части, и там задержался по расчётам жены слишком долго. Снедаемая ревностью, подозрением и неизвестностью, Анастасия Поликарповна в отместку Анатолию позволила себе вольность – она слишком близко допустила до себя своего кучера Володю Куварзина, когда они вдвоем совершали прогулку по лесу на рысаке, запряжённом в тарантас.

Этот свой неосмотрительный поступок молодая барыня оправдывала тем, что она стала замечать, что барин за последнее время стал с прохладностью относиться к ней и с подозрительной любезностью стал относиться к молодой пышной кухарке. Все вместе взятое, и ревность, и подозрение, и начавшаяся к этому времени война, взбудоражило рассудок своенравной молодой женщины. Вернувшись из губер-

нии, барин вскоре узнал о тайной связи Насти с кучером. Он с затаённым подозрением стал наблюдать за нравственным поведением жены.

Через год Анастасия Поликарповна родила девочку, которая обличем была вся в кучера. Барин, не выдержав такого позора, выгнал Настасью из имения, а кучер сбежал, как только барин стал замечать о его любезностях с Настей.

Война, революция, голодовка и общая сумятица заставили Анастасию Поликарповну приехать в свое родное село Мотовилово. Она вынужденно выехала из имения мужа, оставив ему трех дочерей и сына, а в село она вернулась с маленькой дочкой Дуней, с наспех захваченными вещами и ручной швейной машинкой.

Анастасия Поликарповна оказалась на положении старухи из сказки «О золотой рыбке», снова оказалась у разбитого корыта. Родителей у нее в живых уже не было, ей пришлось поселиться в доме покойного отца, окна которого длительное время были забиты. Снова она породнилась с бедностью и нуждой, стала своим трудом зарабатывать себе на пропитание: шила для односельчан рубашки и платья на своей машинке.

Хотя и были у Настасьи кое-какие ценные вещи: золотые серьги, золотое кольцо, золотая брошь и прихваченная при выдворении из имения благословленная икона в позолочен-

ном киоте, но ведь это все вещи, их есть не будешь, да и продать-то их в то время было некому. Однажды Настасья ушла в сельскую лавку, чтобы купить соли, мыла и спичек, дома оставила малолетнюю Дуню. Когда мать вернулась домой, Дуня, дрожа всем тельцем, плакала и вздрагивала от испуга. Она едва могла объяснить матери:

– Мам, а у нас была бука.

Настасья испуганно с тревогой обвела глазами кругом избу и тут обнаружила, что машинки нет. Настасья с визгом и криком «Караул!» выбежала на улицу. Сбежался встревоженный народ.

– Машинку украли! – неистово кричала Настасья. – Что я без нее буду делать! Последний кусок унесли! – вопила она.

– Настасья Поликарповна, а ты не больно убивайся, возможно, найдётся, – сочувственно уговаривал ее Иван Федотов.

– Всего скорее, ее украла Булалейка! – кто-то выкрикнул из толпы.

– Быть, она, – подтвердила и Анна Крестьянинова.

– Это ее рук дело, кроме ее некому! – ввязался в общий гомон и Иван Трынков.

– А чтоб, если бы поискать, она днем ее далеко не могла сверзить, – подсказала и Любовь Савельева.

Стали искать во дворе и обнаружили машинку в конюшнике, заваленную высохшим навозом. Впоследствии выяс-

нилось, Анна Гуляева, увидев, что Настасья куда-то ушла, быстро нарядилась букой, надев на себя вывороченную овчинную шубу, и на глазах перепуганного ребенка украла машинку.

Постройка двора

Вспомнилось Василию Савельеву, как в 1915 году он, уходя на военную службу, выйдя из родного села, озираясь во круг, как бы кто не увидел, украдкой наклоняясь, поднял горсть родной земли. С таинственностью крестясь, он клятвенно проговорил для себя: «Дай бог, в добрый час, чтоб мне снова вернуться в родные края и положить эту заветную землю здесь где взял ее!» Завязав землю в платочек, он с чувством торжества засунул его в грудной карман. Еще раз перекрестившись, теперь уже на церковную колокольню, он твёрдой походкой направился к станции, где были в сборе такие же новобранцы, как и Василий.

По счастливому исходу воли судьбы, Василию довелось сохранить горсть той заветной и благословенной родной земли и положить ее на то место, где она была взята. И после окончания германской войны и войны гражданской, при всеместном замирении, Василий решил всем своим разумом и изрядной физической силой, взяться за свое хозяйство. Он сам с собой рассуждал так: смекалка в голове, расторопность в движениях, сила в руках помогут преодолеть все препятствия и трудности. Он же обладал всеми этими качествами в полной мере, поэтому он за хозяйство взялся с особенным азартом, заботой и прилежностью. И работа его спорилась:

в хозяйстве стало все прибывать, процветать и умножаться. Недаром он всю свою силу, умение, здравый рассудок и деловитость посвятил семье и домохозяйству.

Но со всем этим у Василия возросла и твёрдая требовательность к себе. В силу своего твёрдого характера, он требовал от семьи, чтоб все были всегда начеку, чтоб ему всячески угождали и помогали, и понимали его с полуслова. Особо он стал взыскателен по отношению к жене и требовал, чтоб она с взгляда понимала его и всячески угождала.

Неугождение, даже в малости, влекло за собой раздражение, недовольство и ругань. Он стал не в меру взыскательным и требовательным даже в мелочах: чтоб вода в умывальнике была всегда налитой, чтоб квас в летнее время не переводился (простую воду и чай он пить не любил), чтоб дети слушались беспрекословно и выполнял его указания и распоряжения безоговорочно.

Берясь всем своим существом, силой и смекалкой за свое хозяйство, Василий Ефимович решил заново пересмотреть и перестроить постройки. Перво-наперво он задумал построить новый двор. Вместо двойного, неудобного он решил построить большой, широкий, просторный под одной крышей.

В одно из майских воскресений 1922 года Василий собрал помощь, пригласив на постройку двора приближенных мужиков и сильных парней. Мужики, вооружённые топорами, готовили столбы, обтёсывали длиннющие стропила. Парни

рыли ямы для установки опорных столбов. Санька с Ванькой на чурбашке молотками прямили старые кривые гвозди.

Рыльщики ям сначала рыли азартно, а потом, поуставши, частенько стали выпрыгивать из ям, сравнивать глубину их.

Дядя Федя, подозревая хозяина, спросил:

– Как по-твоему, Василий, хватит рыть то, или еще прибавить? Я уж до глины дорылся.

Василий смерив глубину ямы, деловито сказал:

– Пожалуй, хватит. Глубины достаточно, аршина два с лишним будет. Ты, Федор, проверь все ямы, чтоб глубина везде была, как у тебя. Сейчас столбы на место будем ставить.

Установили десять дубовых добротных столбов. На них, при помощи «дубинушки», плотники подняли и установили четыре длиннющие поперечные связицы, на которых устроили временную оснастку из досок и туда затащили стропилины.

Наступил самый трудный и интересный момент работы – подъём и установка на место стропил. Командовал подъёмом сам хозяин Василий Ефимович. Соединив стропилины, как положено, и привязав к вершине стропил веревку, конец которой перекинули через крышу отлива на улицу, приступили к подъёму. За веревку уцепились парни, бабы и мужики, а два мужика заняли ответственные места около выдолбленных гнезд в связинах, где должны встать на свои места шипы стропилин.

По команде Василия Ефимовича, державшиеся за веревку, запели «Дубинушку» и под распев «Сама пойдёт!» дружно потянули вершину. Стропила медленно стали подниматься вверх, а когда они достигли нормального положения, Василий, наблюдающий с земли, подал команду «Стоп!». Стропила заняли отвесное положение, замерли на месте. «Крепи!» – скомандовал Василий. Зазвенели топоры, забивающие гвозди. Стропила распорками закрепили намертво. Теперь надо умелым движением веревкой, отхлестнуть ее с вершины стропил. Но это долго не удавалось. Перепробовали из мужиков почти все, но веревка не отхлестывалась.

– Погодите тянуть-то! – проговорил Иван Федотов, взявшись руками за веревку, – видите, ее там заело. Мы ее только еще пуще затягиваем, – он еще раз встряхнул веревку. Она, извиваясь змеей, посылала кверху стропил причудливые волны, но не отцеплялась.

– Не будет дела, надо кому-то лезть. Мишк, полезай! – обратился Иван к своему сыну Михаилу, – только гляди, не упади, упаси бог, высота-то вон какая. Держись крепче, – напутственно добавил Иван.

– Да вроде я раньше-то не падал! – ободрительно отозвался Михаил, наплёвывая в руки, готовя себя к лазанию. Михаил полез, а оставшиеся на земле люди стали наблюдать за ним. По мере его подъёма по наклонной стропилине, люди все выше и выше задирали свои бороды. Цепко держась

за стропилину руками и надёжно упираясь ногами, Михаил вскарабкивался по стропиле все выше и выше. Наблюдавшие замерли, разговор невольно прекратился, наблюдали, почти не дыша.

Когда Михаил добрался до верху и достиг вершины стропил, все облегченно вздохнули. Немножко отдохнув, Михаил, освободив веревку, сбросил ее на землю, стал смотреть с высоты в даль:

– Эх, отсюда, как с колокольни, все видно! Не только все село, даже поля и рыбаков видно! – кричал с высоты Михаил.

– А ты не увидишь ли оттуда мою лошадь-пеганку, – поллуштуливо крикнул ему Семион Селиванов, стоявший тут же на улице. – Я ее, спутав, выпустил на улицу на лужайку, а она, видимо, распуталась и куда-то убежала.

– Нет, что-то не видно твоей Пеганки, – отвечал с высоты Михаил, поворачивая свое лицо кругом, обозряя всю окрестность.

– Мужики! – вдруг настороженно крикнул сверху Михаил, – а что там, около лесу, на поперечной дороге, вроде толпа народу какая-то и вроде бы чего-то везут, наподобие колокола.

– Да, бишь, я и забыл, – вступил в разговор Федор Крестьянинов. – Я вчера был на станции, там, около бакауза с железнодорожной платформы сгружали большой колокол для вторусской церкви, а сегодня, видно, его везут.

Михаил стал медленно и осторожно слезать. Уставшие его руки дрожали, натруженные ноги изредка скользили по стропилине. От усиленного напряжения руки потеряли цепкость, не выдержали, и Михаил, сорвавшись, рухнул на помост с двухсаженной высоты. Толпа ахнула от испуга, некоторые бросились к Михаилу на помощь. Первым к нему подскочил его отец Иван:

– Ну, как, Мишк? – испуганно спросил он его.

– В боку больно! – простонал Михаил.

Его с помоста осторожно сняли на землю. С криком прибежали мать Михаила Дарья и его молодая жена. Подняв на ноги, они увели Михаила домой. К счастью, ушиб был не особенно опасным. Часа два отлежавшись, Михаил уже стал ходить по избе, прижимая ладонь к ушибленному месту.

Между тем, парни Минька, Санька, Ванька, соседи Сергунька, Санька, Мишка и Панька побежали в поле смотреть, как везут во Вторусское колокол.

Большой колокол, весом в четыреста двадцать пудов, закупленный вторусскими религиозными мужиками в Москве, прибыл по железной дороге на станцию Серёжа, где его погрузили на специально изготовленный помост на деревянных катках, и вот сегодня его народом везут со станции во Вторусское. На помосте около колокола стоит мужик, который, размахивая картузом, видимо, командует всем этим

делом. К помосту прикреплено несколько веревок, за которые уцепилось много человеческих могучих рук.

При помощи всемогущей русской «Дубинушки» колокол с периодическим отдыхом людей медленно, но податно, подвигался к селу Вторусскому. Толпа, человек в сто, а то и в двести, отдохнув, снова запевают «Дубинушку» и дружно подхватив «Сама пойдёт!», напрягши свои мускулы с новой силой, тянули за веревки. Колокол народом благополучно довели до Вторусского. Около церкви временно подвесили его (на специальные козлы), а через неделю подняли его на колокольню.

До обеда все стропила были подняты, а после обеда плотники занимались их обрешёткой жердями, которую к вечеру закончили полностью. После угощения, какое обычно полагается на помочах, мужики, подвыпивши и изрядно закусивши, спели несколько народных песен и разошлись по домам. В этот день в семье Василия Ефимовича появился на свет еще один человек – родился сын Владимир.

Достройку двора Василию пришлось производить своими силами, не созывая помочей. Крыть крышу тесом ему помогали сын Минька, шурин, дядя Федя Молодцов и свояк Василий Тимофеевич Муратов. Гвозди выправлять и подавать кровельщикам на крышу, эта обязанность лежала на Саньке.

Находясь на стропилах, у отца кончились гвозди, он свер-

ху крикнул:

– Санька! Поддай-ка ящик с гвоздями! Он в погребушке лежит!

Санька поспешно побежал в погребушку и вскоре вернулся оттуда с пустыми руками. Он крикнул отцу:

– Пап, там нет ящика-то!

– Как нет!?! – злобно отозвался отец, с неохотой слезая со стропил. Он с руганью схватил Саньку за ухо, повел его к погребушке, приговаривая:

– Пойдём, я покажу, где ящик с гвоздями!

Санька от боли жалобно закричал. Ящика на самом деле на месте не оказалось. Отец растерялся и, осознав свою оплошность, решил ошибку исправить криком:

– Куда подевали ящик-то! Какой бес его куда-то сверзил! – злобствовал он, в душе жалея, что Саньку наказал понапрасну. Набрав в карман прямлёных Санькой и Ванькой гвоздей, полез на крышу докрывать ее.

Через месяц новый двор был совсем готов. Получился высоченный из всего села, не уступающий по высоте старообрядческой колокольне, добротный двор с тремя воротами, передними, задними и боковыми, в которые можно было въехать и выехать с любым возом сена или снопов, проехать через огород к сараю или овину. Двор получился без единой дыры. Негде ласточке влететь.

Санька впоследствии в заднем фронтоне двора вырезал

окошечко для влета и вылета голубей и ласточек, которые вскоре прижились в просторном Савельевом дворе.

Вообще-то Савельев двор своей высотой стал выделяться среди всех мотовиловских дворов. Василий Ефимович потом на крыше своего двора пристроил жерди в виде перил (на всякий пожарный случай), и крыша двора стала служить в роли пожарной каланчи.

Поднятие колокола

К этому времени новая Советская власть не только не преследовала религию в России, а наоборот, даже способствовала в строительстве новых церквей, отпуская для этой цели строительный лес. Благодаря этому, были построены новые деревянные церкви в приближенных к Мотовилову селах: в Верижках, в Ломовке и в Михайловке. В постройке этих церквей деятельное участие принял мастер-плотник специалист строительного дела наш земляк Иван Андреевич Муратов (Потемкин).

Вторусская каменная церковь, построенная в 1862 году, шестьдесят лет не имела большого колокола, и вот теперь вторусские деловые и ходовые мужики где-то купили и переправили в свое село большой колокол.

Колокол на площади около церкви сперва подвесили на специальных козлах. Тщательно осмотрели его, нет ли каких изъянов, подвесили к нему язык и пробно ударили. Голос колокола с басовитым гудом жителям села Вторусского понравился, дефектов в колоколе не оказалось. На катках его перекатили к северной стороне колокольной и стали готовиться к его подъёму на колокольную.

Почти целую неделю мастера по подъёму тяжестей во гла-

ве того же Ивана Андреевича Муратова деятельно готовились к такому ответственному и требующему умения и смелости делу. С ветряных мельниц доставили к церкви канаты, блоки и другие снасти.

Подъем колокола на колокольню назначили на воскресенье в первых числах июня. В этот ясный и солнечный день из окрестных сел и деревень во Вторусское стеклось очень много народа. Шли нарядные, как на большой праздник. Раскрашенная церковь стояла празднично и бодро. Вся прицерковная площадь загрохотала говорливым народом. Опоздавшим трудно было пробраться и протолкнуться поближе к церковной ограде. Всюду народ и народ. Парни-товарищи Ванька Савельев, Санька Федотов и Панька Крестьянинов место для наблюдения заняли под окном дома, стоявшего против колокольни через дорогу от церкви.

Наконец, последние приготовления к подъёму были закончены. Наверху в северном окне колокольни установлены и закреплены два блока, через них пропущены длиннющие канаты, концы которых надёжно привязаны за проушины колокола, свободные концы протянуты через ограду и через всю улицу. Из южного окна колокольни спустили веревку потоньше, чем канаты. Эту веревку называли «отводной», она понадобится в нужный момент.

Потёмкин командный пункт занял в северном окне коло-

кольни (оттуда ему все видно), своих помощников расставил по остальным ответственным постам: одного около «отводной», одного около основных канатов, которые, протянувшись поперёк дороги и всей улицы, лежали, пока напоминающие гигантских удавов. Сверху раздался командный голос Ивана Андреевича:

– За канаты берись!

Мужики дружно взялись за канаты, человек по пятьдесят за каждый. Приподняв их с земли на уровень колен. Среди уцепившихся были и бабы, услужливо желающие помочь мужикам, и малосильные хилые мужики. Ответственный за «силу» прошёлся меж канатов, которые держали в руках на весу люди, готовые по сигналу начать подъем. Он своим наметанным глазом определял, кто малосилен и напрасно занимает место у каната. Хилых он просто-напросто просил «не мешаться». Сопrotивляющихся «силачи», осмеяв, отгоняли, а баб вежливо просили отойти в сторонку, говоря: «Не бабье это дело!».

Один, видимо, весельчак, не известно над чем задорно рассмеялся – его урезонил ответственный за «силу»:

– Ты вот что, – сказал он весельчаку, – пойдй вон за угол, досыта насмейся, а потом сюда придёшь.

Тот, сконфуженно ухмыляясь, растерялся, но ответственный настоял на своем, отогнав молодого мужика, рассмеявшегося не вовремя. Теперь у канатов остались только сильные, могучие крепыши, с мускулистыми, оголенными по ло-

коть руках. Потёмкин, наблюдая сверху за мужиками, уцепившимися за канаты. Они были похожи на грибы, целиком нанизанными на нитки для просушки.

Наконец, Потёмкин, подняв руку вверх, крикнул в толпу.

– Внимание! – толпа вмиг приутихла, замерла в безмолвии. Все люди были устремлены теперь только туда, на этого человека, командующего всем этим делом, на его поднятую руку.

– Тяни-и-и-и! – раздалась сверху приказательная команда. Канаты пружинисто натянулись, блоки, слегка скрипнув, заработали, колокол дрогнув, с раскачкой плавно и медленно поплыл вверх. Колокол достиг трехсаженной от земли высоты и тут случилось непредвиденное. По недосмотру мастеров по подъёму, надеясь на исправность мельничных снастей, один канат оказался подопрелым и, не выдержав тяжести, лопнул. Толпа одним вздохом с ужасом ахнула! От церковной ограды до задних рядов толпы донёсся какой-то тупой и своеобразный звук, пронзённый бабьим взвизгом. Колокол, издав глухой гул, рухнул на землю. Потёмкин видел сверху, как мгновенно снизало мужиков с уцелевшего каната, а с оборвавшимся повалились на землю. Толпа, приумолкнув, выжидаяще насторожилась, во все стороны ее волной распространился невнятный человеческий говор: «ба-п-ш-ш».

– Ай, ково убило? – с тревогой спрашивали вокруг не по-

нявшие толком того, что произошло там, около самой церковной ограды.

– Что там случилось? – настаивали расспрашивать любопытные.

– Один канат оборвался, концом каната зазевавшуюся бабу на землю смело! – объяснил раскрасневшийся мужик в красной шерстяной рубахе, только что выбравшийся из толпы «на волю» и направляющийся к колодезю попить.

– А жива она, баба-то? – допытливо переспросили мужика.

– А чего с ней сделается! – оглянувшись, пояснил тот, – упала в пыль, встала, отряхнулась и отошла в сторону. Конечно, перепугалась, помутнела вся, – обстоятельно разъяснил мужик. Он, видимо, сам, своими глазами видел случившееся. Толпа недоуменно гудела, не все знали о том, что именно произошло около церковной ограды.

Обрыв каната и упавший колокол (он упал стоя и в землю врезался не так глубоко) придал мастерам немало хлопот и дела. Были вынуждены пустить в дело другой канат, который тщательно просмотрели на прочность. Через час снова было все готово. Люди снова взялись за канаты. С колокольни раздалась громкая команда:

– Ну! С Богом!!!

– Давно бы так! – одобрительно раздалось в толпе.

На этот раз все обошлось благополучно. Колокол медлен-

но, но настойчиво поднимался вверх. По мере его подъёма, толпа зорко и молча следила за ним. У каждого наблюдающего борода из нормального занимала все более горизонтальное положение. Наконец, колокол достиг нужной высоты. Он, слегка раскачиваясь, остановился против колокольного окна, под него подсунули слуги, подвели площадку на катках. Сверху раздалась команда:

– Отводную тяни!

Через посредство отводной, колокол был подтянут в окно и опущен на площадку, а потом двинут на катках на середину колокольной, на место, откуда его предстояло поднять, подвесить и установить на свое место, где он должен висеть и издавать свой призывный благовест вечно.

Так, при помощи блоков и канатов народ произвёл такую тяжёлую непомерную работу: на такую высоту такую машину поднял – колокол весом в четыреста двадцать пудов весом, не имея больше никаких механических приспособлений, ни воротов, ни лебедок. Сила народная творит чудеса.

На этот день народу было объявлено:

– Хватит! – работу по окончательной установке колокола на свое место отложили на последующие дни. Основное дело сделано. Люди устали – пора и пообедать.

Толпа народа стала с шумом медленно расходиться. Всюду взволнованный разговор и обмен впечатлениями. Впоследствии колокол был водружен на место, а в следующее

воскресенье он издал свой первый призывной басовитый голос, призывая народ к богослужению.

Живые картинки

Как взаглядку, неурожайным предыдущим годам, 1922 год порадовал мужиков хорошим урожаем. Рожь уродилась неплохой, а яровые и вовсе были хороши. Картошка, хотя и мелковата, но зато ее уродилось изобилие. Крестьянин-мужик воспрял духом. В каждом доме появился настоящий хлеб. Поспешно свозили с полей снопы ржи, с двойным азартом молотили, веяли, прибирали готовое зерно по амбарам. Под осень приступили к свозке с полей вику, гороховицу на корма.

Василий Савельев привёз из поля большой воз гороховины, ввез его прямо во двор, свалил на подмётенную как ток землю и приказал ребятишкам этот горох мять, чтоб он обмолотился. Ребятишек набежало со всей улицы, и принялись на горохе кувыркаться. Началась весёлая потеха и полная лафа: прыгай на горох с высоких сушил, кувыркайся на нем, как попало и жри горох до пуза. Тут шутки, смех, игра и драка. Ванька, залезши на сушилу и не рассчитав, прыгнул на горох, а в этом-то месте его было тонёхонько, и Ванька угодил на почти голое место. Ступню ноги сильно расшиб, заохав, поковылял в избу.

Целую неделю Ванька никуда не выходил – ногу невыно-

симо ломило. Бабушка Евлиния делала ему примочки, но и это не спасало от боли. Сидит Ванька с обёрнутой в теплую портянку ногой, чтоб она не так ныла, и думает, какая все же несчастливая эта левая нога. Ему вспомнилось, как летом поручил ему отец отвести лошадь в поводу от овина. Ванька вел лошадь по тропе, и вдруг она наступила ему копытом на голую ногу. Ванька от боли присел, закорчился, но не закричал. Он терпеливо стал кулаком наколачивать по лошадиной ноге, чтоб она убрала свою ногу с его ноги. Серый недоуменно переступил с ноги на ногу. На Ванькиной ноге от копыта появился багровый знаток, но крови не было. Пересиливая невероятную боль и не в силах подняться, Ванька на карачках стал передвигаться по тропе ко двору, не выпуская из рук повода. Вот и теперь все та же левая нога. Теперь сиди безногий и завидуй, как товарищи побегивают. Для забавы принёс Панька два кремня, и сидят они в темном углу и высекают таинственный огонь.

Но вскоре нога поджила, и товарищи Санька с Панькой утащили однажды в школу «живые туманные картинки» глядеть. Народу, особенно детворы, нашло целый самый большой класс – не протолкнуться, не пролезть. На столе установили «волшебный фонарь», в котором горела большая керосиновая лампа. Санька Лунькин в фонарь вставлял какие-то стеклышки. Ваньке они показались похожими на гребешки, какими волосы на голове расчёсывают, а на стене на белом полотне появлялось большое изображение, или челове-

ка, или же домов и улицы. Под изображениями были надписи. Удивления было, не есть конца-краю, когда вместо мертвых изображений на стене появились «живые» люди. Все люди поразинули рты, когда на стене увидели, как «живые» ребяташки с засученными по колено портками голыми ногами месили глину, ходили и бегали по ней взад-вперед.

Восхищенье этой невидалью поразило всех присутствующих от малышей до взрослых баб и мужиков. Все наблюдали за происходившим на стене с затаённым дыханием, а когда один парень, месивший глину на стене, поскользнувшись, упал, взрыв общего весёлого смеха огласил всю школу. После этого представления, по сути дела, первого подобия кино, среди людей разговору было хоть отбавляй. Все были крайне удивлены, как это на стене оживают мёртвые изображения.

В середине октября ударил мороз. Снегу еще мало, морозом сковало землю, на озере образовался лед. Каждое время года ребяташкам приносит свою обстановку для забав и потех. Весной по только что освободившейся от снега земле они, сломя голову, принимаются бегать по улице, радуясь теплу и солнышку, летом они целыми днями пропадают в лесу и у речки, купаются и ловят рыбу, а вот теперь, глубокой осенью, для ребят раздолье и полная лафа – неудержимо бегают они по скользкому тонкому льду. Сами мастерят для себя самодельные коньки из деревянных колодок и же-

лезных полосок, прикрепляют их к ногам при помощи веревок и закруток и фигуристо полосатят лед, катаются, играют, забавляются. Но вот есть же дурацкая мода-привычка: парни, которые постарше, имея силу, чтоб смочь с малышей, воровато подстерегали зазевавшихся парнишек и обрезали у них коньки. Малыши с ревом и слезами шли домой, не до конца излив свою резвость на льду.

– Паньк, ты что реवेशь? – спросили Крестьянинова Паньку, понуро бредущего домой с коньками в руках.

– Коньки обрезали, – сквозь слезы ответил он.

Самые маленькие ребяташки, не рискуя далеко отойти от берега, артелькой увлечённо бегают по трескучему льду вблизи берега – делают «зыбу». Ведь забавно же, как скользкий тонкий лед волнами колыхается, зыбится, под ногами, забавно трещит, вызывая у ребят и смех, и радость, и опасенье, как бы не ввалиться.

Проходивший мимо забавляющихся ребят Митька Кочеврягин с ехидным злонамерением предложил им:

– А вы все уцепитесь руками и дружнее бегайте по льду-то, вот так зыба будет!

Ребяташки с наивностью послушались. Взявшись за руки, они азартно принялись бегать по зыбкому льду, в такт притопывая ногами, создавая нагрузки. Лед на все лады трещит, лопается и, не выдержав напора, совсем рухнул. Панька с Ванькой ухнулись по грудь в холодную воду. Не вмеру ис-

пугавшись, они, мокрые и озабоченные предстоящей взбучкой от домашних, побежали домой.

— Где это ты так намочился? Мокрую-то шубу на печь бросил! Печным теплом сволочет и вся шуба скорблой станет! — пожурил отец на Ваньку.

А через час, обсушившись, и они с Панькой снова на льду: колотят палкой по льду, делают гуленьку (радужную). С восхищением любят ее замысловатым разноцветьем, протыкают железной клюшкой молоденький лед, припадают ртом к дырочке и изо всех сил дуют в нее, создавая подо льдом сизые туманы, которые забавно плавно передвигаются под прозрачным льдом. Или же, находя естественные такие туманы, проткнув в нем дырочку, подставляют к ним зажжённую спичку.

Вспыхивает яркое пламя, из отверстия льда причудливо фырчит огненным языком пламя, создавая в размышлениях у ребят необъяснимую таинственность.

В оттепели ребята старательно катают снежные шары. Сооружают из них гору, а потом с лихостью катаются с нее на лукошке, на доске, а то и прямо на пузе. Только в лихие стужи и бураны ребята сидят по домам, забравшись на печь. Слушают былины и сказки стариков или слушают чтение книг старших братьев.

Что ели ребятишки

Наступила весна 1923 года. Деньки стали тёплые, бурно таял снег, из поля доносилось весёлое пение жаворонка, в селе по ветлам и берёзам стайками сидели скворцы, с при-свистом распевая, они прославляли весну.

Панька, Санька и Ванька, смастерив для себя колодки-ба-клуши и прикрепив их на ноги к лаптям, весело бегают по дороге. Скребками пропуская ключи, делают запруды на этих ключах, а потом, прорвав игрушечную плотину, с вос-торгом наблюдали, как весенняя талая вода стремительно утекает в озеро.

Эх, весна, весна! Сколько она приносит с собой забот для взрослых и развлечений для детей! И когда еще в начале а-преля, когда наступят солнечные тёплые дни, по-весеннему ласковое солнышко, щедро пригревая землю на возвышен-ном бугорке, освободившемся от снега, появится лоскуток голый отдающей испариной суглинистой земли. Ребятишки, узрев этот тёплый клочок (который на их языке называется «лето»), выскочив из изб, голыми ногами по снегу что есть мочи вприпрыжку побегут к этому «лету», чтоб на этом клочке отталой земли погреть свои голые ножки.

Как только талая весенняя вода схлынет с полей в озеро,

а из озера через Воробейку в речку Серёжу, ребятишки уже находят для себя забаву. Они, пробуя освободившуюся от снега землю, босиком носятся по улице вприпрыжку вперегонки, то они надумают, от бесхлебицы, и для разнообразия рыть отыскивая в земле Свиной, те самые сладкие корешки травы, которые обычно достаёт из земли, роя носом, свинья. Но они доставляют удовольствие и ребятишкам.

Не успеет как следует оттаять земля в поле, а ребятишки босыми ногами, проваливаясь до мерзлоты, ищут по прошлогоднему ржаному жнивью пестушки. Тут же на месте утоляют всегда сопутствующий детский желудок голод и с полными карманами возвращаются домой. Пестушками угощают и взрослых.

Пригрело солнышко, в конце апреля тронулся сок в берёзе. Ребятишки уже хлопчут около берёз, надрезают берёзовую кору ножом или вырубают в прикорнях топором колодчик и пьют, не напьются. Наслаждаются сладким приятным на вкус живительным берёзовым соком.

В мае еще пуще пригреет солнышко. Набухнут на сосне почки, пойдут в рост смолянистые «пальчики», появится около них похожая на рисовые зернышки кашичка, для ребятишек опять лафа – ешь, наслаждайся.

А той же весной, во время теплых сумрачных вечеров, добудут где-то дотошные ребяташки светящихся гнилушек и примутся носиться с ними вдоль по улице, наводя страх на пугливых девой и брюзгливых старух. А летучие мыши, неуклюже порхающие в притемнённом вечернем воздухе, для ребят еще больше хлопот. Желанье поймать эту загадочную тварь! Всем, конечно, интересно посмотреть, что это за штука: птица она или же на самом деле мышь, а почему же она летает. Говорят, что у нее крылья, похожие на зонт. Ребяташки старательно подбрасывают в воздух щепки и палки, стараясь, чтоб они были белыми – летучая мышь охотно подлетает к белым предметам. Наконец-то Панька удачным броском палкой сшиб одну. Ребята дружно бросились рассматривать ее. Оказалось, действительно, это мышь.

В полях началась пахота. По вечерам в село налетают целые полчища майских жуков. Они бестолково толкуются около берёз. Вроде стараются сесть на молодые изумрудные листочки, но не садятся, а приглушённо жужжа, бесцельно летают. Вооружившись чем попало, вениками, метлами, кустом или картузом, ребяташки целыми оравами ошеломленно бегают по улице и ловят жуков.

По вечерам весной в эту пору на улице стон стоит от гомона и крика ребят. Тут и забава, тут и весёлый смех, тут и драка, тут и слезы. Наловленных жуков ребяташки помеща-

ют в коробки из-под спичек и, приложив ее к уху, наслаждаются забавным шорохом возни жуков.

С мая месяца бездельные ребятишки стараются уйти в лес или к речке Серёже и там пропадают весь день, питаюсь подножным кормом. То они ищут по водотоку оврагов земляные орешки, то набивают свои ненасытные брюха щавелем и столбунцами, то рвут и поедают медуницу и дягиль, то дикую редьку, то жуют и играючи прыскают друг в друга нажёванными берёзовыми серёжками, то пожирают «просvirки», а то и крапивные огурцы. Чем только не набито прожорливое чрево деревенского парнишки! Как только оно способно переваривать все это!

В июле поспела лесная ягода земляника – давай и ее сюда! Поспела черемуха – и ее тоже! А там глядишь – и огородное поспело: бобы, горох, огурцы, морковь, репа, брюква, редька и мечта ребятишек – яблоки, которыми лакомятся ребятишки. Начинают с той поры, когда яблочки чуть завяжутся. А ко всему этому под осень краснеет рябина, в лесу появляются грибы – для ребят снова лафа – грибы сыроежки они поедают даже сырьем.

Вот сколько разнообразнейших, съедобных продуктов употребляли себе в пищу деревенские ребятишки. Не от этого жители сел и деревень так здоровы, кряжисты, непри-

хотливы, сильны, выносливы и живучи!

А в смысле физического развития, разве разнообразные детские игры и забавы не способствуют физическому развитию и ловкости человека! Вот во что играли сельские ребята: в жмурки, в прятки, в лошадки, в шары, в «бабу», в «попа», в чушки и в самую азартную, весёлую игру – в лапту. А наступит традиционный купальный понедельник, тут уж вся ребятня, от малышей до женихов, на улице. Азартной беготни и весёлого смеха нет конца и краю. Каждый старается кого-нибудь облить водой. Для ребят в этот день полная лафа, а для девок наказание. Они прячутся от назойливых ребят, чтоб не оказаться облитой из прыскалки или не брошенной с мостков в озеро. Вот какое развитие получали сельские парни!

Плотники Ершов и Муратов

Не захотел Николай Ершов жить в отцовой семье, вынул отца, чтобы отделил его. Захотелось Николаю жить самостоятельно и быть самому себе хозяином и не быть в подчинении. Отец не противился, Николая отделил. Дал ему в надел корову, его жену Ефросинью и его же троих ребятишек в придачу. Построил Николай себе избу-халупу. Покрыл ее соломой и стал жить-поживать и добра наживать на новом месте, на Лесной улице, у села на задворках. Не поэтому ли Николая стали называть не по его фамилии, а приткнули ему новую, не официальную фамилию Задворкин, некоторые люди называли его просто Задоркин, многие называли Заборкин, а некоторые, мутясь, звали его еще проще – Запоркин.

Через год Николай решил к своей избёнке пристенок пристроить, а одному несподручно. Отец занят своей работой. Николай решил пригласить специалиста по плотничьему делу Муратова Василия Тимофеевича. Вечерком Николай и направился к нему. Придя в дом Василия, Николай, как полагается при этом, перекрестившись на образа, поприветствовал хозяев:

– Здорово ли живете!

– Поди-ка добро пожаловать! – приветственно ответил

Василий Тимофеевич.

Без особых приглашений Николай уселся на стул около печки.

– Ты, Василий Тимофеевич, не знаешь, зачем я к тебе пришёл? – вопросом начал высказывать свою просьбу Николай.

– Нет, не знаю! – добродушно ответил Василий.

– Видишь ли, какое дело-то! – начал издали излагать причину своего прихода Николай. – Изба у меня стала мала, а будет еще теснее, семья-то растёт, скоро еще на одного отрока прибавить, баба-то у меня брюхата. Вот я и надумал к избе пристенок прирубить, а одному-то несподручно, да, по правде сказать, я завести постройку один не решаюсь. Ты, я слышал, ведь спец по этому делу. Случайно не поможешь мне?

– Ну, что ж, помочь можно! – с добродушной улыбкой проговорил Василий.

– Мы ведь с тобой, Василий Тимофеевич, близкими родственниками доводимся, так что мы с тобой еще и сродни, кажись, не дальше, как в третьем колене. Наши-то отцы кумовьями были. Твой-то покойный отец частенько у мово батюшки в гостях бывал, – стараясь еще пуще разжалобить Василия и сбить его на неотказное согласие помочь в стройке.

– А когда приходит-то? – осведомился Василий.

– Завтра с утра и приходи! Только вот что, – спохватившись, добавил к своей речи, Николай, – кроме топора никакого струменту не приноси с собой, у меня свой кое-какой

струмент имеется. Циркуль без отца нажил и уровень сам сконструировал. Ко мне за инструментом почти полсела ходят, и частенько бывает так, что циркуля дома нет, то уровень по селу шатается! Иной раз спохватишься, вздумаешь какой-нибудь предмет по уровню поставить, а он в отсутствии, так и приходится ставить наглазок! Я ведь и сам плотник, я все делать уме. Мне только с духом собраться, от моих рук ничто не отобьётся, – продолжал расхваливать себя Николай. – Я не только плотник, я и охотник! На медведя и на волков с хорошими знатными охотниками хаживал. В позапрошлом году, помните, я на облаве одного волка смазал. А однажды моя баба привязалась ко мне, как банный лист: жужжит и жужжит мне на ухо, вынь да положи лису на воротник. И строго-настрого мне приказала, «пойдёшь на охоту – без лисы домой не являйся!» Ну, думаю, задачу ты мне задала не из легких! Однажды я двинулся в поле, за большую дорогу на лис. Взял ружье, собаку и прихватил дудку-манок, без этого приспособления на лис лучше не ходи: лиса охотно идет на манок. Так вот, я выбрал себе местечко за бугорком, прилёг и давай дудеть. Дужу-дужу, а толку нету, ни одна лиса на меня не идет, а сам знаю, что их там целая уйма. Собака нашла лисью нору и полезла в нее. Гляжу, а от моей собаки только хвост мелькнул, она вся улезла в нору. Ну, думаю сам с собой, дело будет, будет моя баба с воротником.

Василий Тимофеевич и его жена Анна с интересом при-

слушались к забавному рассказу Николая. Оба притихли, слушали с большим вниманием.

– Вдруг из норы показались собачьи задние ноги, и она ими так беспокойно затрепыхала, что я был вынужден схватить собаку за ноги и выхватить ее из норы. С силой как дерну! Гляжу, а моя собака без головы очутилась. Лиса в норе ей всю морду отъела. Я, конечно, рассердился с досады и решил уйти домой. Вернулся без собаки и без воротника. Уж меня баба-то! Такой мне задала трезвон с акафистом, что я и по сей день помню, я думал, что она меня распотрошит и живьем съест! – с азартом закончил свое охотничье похождение на лис Николай.

– Да, случай забавный, – сочувственно проговорил Василий, задорно смеясь над приключением Николая.

– Ну, так завтра, Тимофеич, приходи часикам к восьми, – уходя, напомнил Василию Николай.

На другой день Муратов явился вовремя. Николай, потягиваясь и позёвывая, тоже только что вывалился из дому.

– Здорово, Николай Сергеич!

– Здорово! – отозвался на приветствие Николай.

– Так, начнём?!

– Конечно! Перво-наперво из этих вот смолястых бревен и будем заводить нижний венец, – по-хозяйски распорядился Николай.

Дело пошло. Врезываясь в древесину, зашипела пила, за-

звонили топоры, взброс полетели щепки. Часа три работали они втихомолку. Николаю не выгодно отвлекать поденщика разговорами от работы, а Василий по своей натуре не особо разговорчив. Часам к одиннадцати Николай по-хозяйски скомандовал:

– Стоп! Пора и перекур устроить.

Воткнув топоры в бревна, они уселись тут же. Николай не торопко полез в карман за кисетом. Закурив сам, предложил Василию:

– На, закуривай, Тимофеич, табак у меня дюже хорош! – плямкая губами, прикурив, гася спичку, нахваливал Николай свой табак.

– Спасибо, не курю, я нюхаю! – осведомил Николая Василий.

– Кому что нравится, – согласился Николай. – Насчёт пользы или вреда нюханья я ничего не скажу, а вот насчёт куренья кое-что промолвствую, – начал дружескую беседу Николай. – Люди бают, что куренье здорово вредит, а я про себя скажу: я вот хотя и курю, а вон какой здоровяк, сам видишь! Верно, ведь, Тимофеич, – нахваливая свое здоровье и ища сочувствия, обратился он к Тимофеевичу.

– Правильно, – наивно согласился Василий.

– Я не ахти какой силач, а ловкий. И не в хвальбу сказать, еще в робятах я был таким отважным, наравне с мужиками на кулачки дрался. В особенности приходилось в масленицу. Во время катания, если кто не своротит мне с дороги, я оста-

навливал лошадь, вылезал из саней и бац в морду – не мешайся на дороге! Знай наших! Вот я какой был отрок! – самодовольно улыбаясь, хвастливо расхваливал он себя. – Да я, к слову сказать, и не хварывал, если не считать то, как мне в детстве дверью до мосла ногу прихлопнули. Сначала-то было ничего, а потом рана так разболелась, приключился онтонов огонь. Меня отвезли в больницу, а там мне для лечения давали порошков да какого-то пойла. Я вскоре и выздоровел. Вот только меня куриная слепота замучила, ночью ходить стало опасно. То на столб наскочу, то наткнусь на угол, а то с деревом или столбом поцелуюсь! Да, бишь, еще вот что чуть было не забыл: в юношестве я очень досужим был. Нужно было мне однажды собаку чью-то подразнить, а она оказалась не из трусов. Оскалила на меня зубы и напирает вплотную. Я было поробил, да наутёк, задал бежку, а она меня догнала, да и давай меня мурзовать. Все штаны на мне в ленты изодрала и до мяса достала. А собака-то бешеной оказалась, меня да к врачу, он осмотрел рану, покачал головой и направил меня в Москву в специальную больницу, в которой лечат от бешенства. В так называемую, Пастеровскую станцию. Ну, конечно, снабдили меня деньгами, в здешней больнице выдали билет, и я отправился в Москву один. А по правде сказать, Москва – город большой, не то, что наш Арзамас, а я в ней впервой и чуть было не заплутался, отыскивая эту самую злополучную станцию. Только под вечер я все же ее нашёл. Меня там лечили разными процедурами,

частенько давали уколы, которые норовили давать в задний аппарат. Провалился я там, на казенных харчах, близ месяца, соскучился по дому, да и уколы надоели. Я даже потом и пожалел, что нашёл эту самую надоевшую мне станцию и решил оттуда сбежать досрочно. Всунул врачу трёшницу, он меня и выписал. А при выписке строго наказал, чтобы я не пил водку, а то, грит, сбесишься. По приезде домой я с радости, что снова дома, конечно, первым делом как следует подвыпил. Тут же спьянился, и меня стало разбирать, в голове сильно задурманило, я возьми, да во всеуслышанье и крикни со всей дури: «Вот я и сбесился!» Отец и мать и вся родня моя, понятно, перепугались, забеспокоились, да я и сам-то чуть в портки не наклал с испугу, да все прошло, благополучно. Дурь в голове постепенно прошла, и я успокоился, и родные немножко успокоились. Вот какие приключения со мной в детстве бывали, а теперь ничего, я себя чувствую совсем здоровым, а это все из-за того, что аппетит у меня волчий: съесть фунт колбасы – это для меня только на один зуб. Да что там колбаса, я и не такого кушанья ёдывал. Помню, еще в детстве я с моим отцом в Арзамасе у одного купца в гостях был, и нас угощали всякой всячиной. После наших крестьянских щей подали жареные огурцы с картошкой, грибы с мёдом, затем селёдку с вареньем, потом пироги с раками, а наверсытку – компот с сыром и маслом. А вообще я в еде то не особенно разборчив, и всегда соглашусь вместо пары яиц лучше съесть десяток картошин. Они в брюхе все боль-

ше пространства займут. Лишь бы ротный контролер – язык – продукт пропустил. Зубы, как шасталка, все перемелют, а брюхо и вовсе свое дело сделает – все переварит. В нем, как говорится, долото с топором изноют.

Сделав небольшую паузу и выпыхнув изо рта солидное облачко дыма, Николай продолжал свое повествование, перемешивая правду с голой выдумкой.

– По секрету тебе, Тимофеич, скажу: я и в бабьем вопросе не промах. Я и к этому делу принатурился, и вот слушай. Однажды вечерком мне вздумалось выпить. Дома ни вина, ни самогонки нет ни капли. Сам знаешь, в наших условиях какие запасы. А по селу прослышалось, что Дунька Захарова винцом поторговывает. Ну, одним словом, у себя на дому шинок содержит. Я конечным делом, и затесался к ней. Иду по задам, чтоб никто не видел, а сам держу себе на уме, как бы двух зайцев поймать: и вина купить, и к ней подъефериться. Авось, «клюнет». Я давненько на нее зуб вострил. Подошел я к дунькиному огороду, гляжу, дыра в заборе. Я украдкой шмырк в нее, и тама. Пробрался через задние ворота во двор, а там темнота кромешная. Вот, думаю, вместо Дуньки напорюсь на ее отца Ермолая, тогда держись Николай Сергеич! – будет тебе взбучка. Но нет, все обстоятельства работали в мою пользу. Вламываюсь в избу, а она одна, в зеркале свою физиономию разглядывает. Я к ней с разговорами, а язык-то от волнения у меня из послушания вышел. Кое-как собрался с духом и говорю ей: так, мол, и

так, я к тебе за вином пришёл. «Это можно, – отвечает она, – сколько тебе?», недогадливо спрашивает она меня. А я ей свое: «Я к тебе не только за вином, а попутно и по другому делу, кстати, ты одна дома-то?» После этих моих слов она как взрызнет на меня, да и давай обзывать меня по-всячески: «Ах, ты, – говорит, – недопадыш, ах, ты, двоешка, ах, ты, куль с дерьмом, а хочешь, я сейчас тятку крикну, да он тебя так шелыгнет, что ты, как пробка, отсюда вылетишь!» В общем, я к ней всем передом, а она ко мне всем задом, заупрямилась, да и только. Забежала она в чулан, схватила там хват, да на меня и попёрла, словно рогатиной на медведя, чуть было глаза-то мне не повыколола. Думаю, значит, она не в охоте, и я не в кон попал. Гляжу, дело плохо. Я пятки смазал и тилиля! Домой прибежал, впопыхах еле отдышался. Первый блин получился комом.

– Ну, а вина-то у нее тогда ты достал? – еле успокоившись от смеха, спросил Тимофеич, засовывая в нос очередную щепоть табаку.

– Како достал! Я рад, что домой-то живым добрался. Да, бывает в жизни огорченье: вместо хлеба ешь печенье! – сбавляя азарт в рассказах, закончил Николай свое неудачное похождение шуточной поговоркой.

– Уж не до печенья, хлеба-то было бы вдоволь, – намекая на обед, заметил Тимофеич, сплевывая желтый шматок смолы в сторону.

Николай на это замечание не ответил, да вообще-то его

речь уже иссякла и стала гаснуть, как брошенный им окурок. Николаю не хотелось заводить разговор об обеде, так как ему было нечем накормить приглашённого человека, когда он и сам-то иногда был полуголодный. Ему жалко было и времени, которого они утратили почти целый уповод на перекур, а сделанного дела мало. Он предложил:

– Ну, Тимофеич, давай дадим еще душок, а там видно будет!

Они снова принялись за дело. Стали заводить-обосновывать пристенок, класть первый венец сруба. Потребовался уровень. Николай пошёл в избу и вернулся с самодельным уровнем.

– Вот какой уровень у меня. Такого нет ни у кого, уж больно точный, ни на один сантиметр не ошибается. Когда я сам вот свой дом строил, я его из рук не выпускал, все бревна строго по уровню клал. И вот заметь, Тимофеич, обрати внимание на мой дом: правда ведь, он не пошатнулся ни в какую сторону, а главное, я матицу умело положил, и она до сих пор лежит преспокойно, ни на один вершок с места не струнулась.

– Что верно, то верно! – подтвердил Тимофеич, глядясь в Николаеву избушку.

– Я ведь не простой плотник, а потомственный, и в этом деле приёмов знаю. Вот, гляди сюда, – и Николай, показывая свое искусство, под приговорки, начал топором делать тяпки на бревне. – Секу-секу сечку, высеку овечку. Сек, сек, пере-

сек, раз шестнадцать я насёк! Считай! – скомандовал он Василию. Тот насчитал шестнадцать зарубок, наивно взглянув удивленными глазами на Николая, спросил:

– Эт как ты заранее узнал, что имеешь шестнадцать?

– А я от природы имею дарственную способность руками тять, языком приговорки ляпать, а мозгами подсчитывать, – самодовольно улыбаясь, хвалился Николай перед Тимофеевичем.

– Это выходит наподобие какой-то счётной машинки!

– Вот именно!

– А в добавление я еще вот что хочу сказать, – горделиво расхваливал свою постройку Николай. – Помилуй бог, мой дом загорится, всему селу не устоять, потому что материалу на него я навозил из казенного лесу: бревна – одна смоль.

На самом же деле его изба, совместно с двором, представляла из себя соломенное гнездо вперемья с древесиной. Видя это, Тимофеич не стерпел, чтоб не заметить: «тут соломы больше, чем смолы». На что Николай обиделся и на Тимофеича затаил скрытую злобу. Дальше работа у них проходила втихомолку. Николай, пыхтя, старался с Тимофеичем не разговаривать. Тимофеич, видя, что Николай неправильно тешет бревно и не отвесно заглядывает на топор глазами слева, он заметил ему:

– Николай, теши правильно и в затылок не заглядывай.

На что Николай ему досадливо выговорил:

– Что ты меня учишь, я этому научился еще в утробе матери, и вообще ученого учить все равно, что мёртвого лечить! – злобно отчитал он Тимофеича. И чувствуя, что на эту отповедь Тимофеич обиделся, Николай, чтоб связать нежелательный разрыв и не совсем разобидеть работника, заметил между прочим:

– А интересно, сколько же сейчас время?

– Я не знаю, у меня часов нет, – сдержанно, не поминая обиды, ответил Василий Тимофеевич.

– Да, кстати, я слышал, ты, Тимофеич, часы чинить умеешь? А, я вот все делать могу, а вот часы ремонтировать еще не научился, – высказался не в пользу своего универсального мастерства Николай. – Да по сути дела, не берусь, а возьмусь – сумею. Мне стоит только с умом собраться, всему научусь. Я сметливый, а память у меня – такой памяти ни у кого в селе нет. Я даже помню, как находился еще в утробе матери. У меня и струмент разный имеется: есть циркуль, щипцы, ключи гаечные, есть и отвёртка, вот только лупы нету. Ты, Тимофеич, или научи меня часы ремонтировать, или возьми у меня карманные часы, почини. Что-то они у меня третий год не ходют. Мне их мой отец, когда отделял меня, впридачу к наделу отдал. Как ни говори, а без часов в доме скучно.

– Где они у тебя? Поди, неси, починю, – услужливо принял Николаеву просьбу Василий Тимофеевич.

Николай вынес из избы часы, отдал их Тимофеичу,

тот, раскрыв крышку часов, крутнув стрелками, сказал «Устрою!» и положил часы в карман штанов.

Время было далеко за полдень. Плотники значительно приустиали, у обоих от того, что изрядно проголодались, сосало под ложечкой, урчало в животах. Николай устало промолвил:

– Тимофеич, не хватит ли на сегодняшний день? Вроде работали неспоро, а три венца срубили. Потом я один дострою. Кончай! Баста! Пристенок этот Николай достраивал впоследствии не меньше трех годов...

Женитьба Алеши

Пришло время жениться Алеше Крестьянину. Собрались близкие его родные, пошли за него сватать. Как только сватья появились в избе невесты, Таня, поняв, в чем дело, покраснев, заартачилась и стыдливо шмыгнула в чулан – спряталась.

– Здорово ли живете! – перекрестившись и раскланиваясь, проговорил Федор, отец жениха, возглавляющий небольшую толпу пришедших сватов.

– Подите-ка добро пожаловать! – степенно ответил Иван – отец невесты.

– Проходите, проходите вперед, – приветствовала нежданных гостей мать невесты. А сама, с укором взглянув на мужа, как бы между прочим, заметила ему:

– Надень другую рубаху-то! Эта стирана да перестирана, – и, засуетившись, уплыла в чулан, загремела посудой и под шумок давала невесте какие-то наставления.

Гости, рассевшись по лавкам, без всяких особых намёков сразу же объявили о причине прихода. Завязался взаимный разговор на эту тему. Близкий родственник Федора Сергей потребовал, чтоб невеста вышла из чулана и показала себя налицо. Вспыхнувшая, как утренняя заря, подталкиваемая матерью, Таня вышла из чулана на середину избы. Невеста

всем показалась, и каждый про себя подумал: «Хороша!» А Сергей под общее восхищение, как бы не нарочно, выронил из рук серебряный гривенник (специально приготовленный для этой цели, чтоб проверить невесту, не слепая ли). Гривенник, звенькнув о пол, покатился под стол и там, кружась, с нежным мелодичным звоном упал кверху орлом.

Отец невесты, поняв, что значит этот приём, ласково обратился к Тане:

– А ну-ка, доченька, найди-ка да подай-ка монетку-то тому, у кого она выпала.

Таня, артачливо, но солидно согнувшись в стане, наклонилась, подняла из-под стола гривенник и дрожащей от волнения рукой подала его Сергею, а сама, не зная, что дальше делать и где занять место, продолжала краснеть и трепетать от переживаемой стеснительности.

Сказав Тане спасибо, Сергею страстно хотелось узнать, а каков же голос у невесты. Он, не найдя больше, о чем ее спросить, полюбопытствовал:

– А сколько годков тебе, Танечка?

– Восемнадцатый, – робко, как из ямы, тихо проговорила Таня.

– Что вы девку изводите и пристали к ней! Видите, как она вся трепещет от волнения! – решила заступиться за Таню мать. А Таня, меж тем, с просившимися на глаза слезами снова юркнула в чулан, словно спорхнувшая с ветки синичка.

Испытание кончилось. Невеста пришлась всем по душе, и сватья приступили к самому важному делу – стали «рядить цену». Отец с матерью для Тани со сватьев выговорили: шубу овчинную, чесанки с калошами, полусапожки для лета, шаль с кистями, ситцу на сарафаны и юбки, а в довершение этого Иван выговорил и денег двадцать пять рублей. Это-то и показалось Федору невмоготу, ведь это почти целая корова, и он упрашивал своего новонареченного свата, чтоб он скостил пятерку, но Иван на своем стоял и никак не хотел сбавлять.

– Ты, сват, хоть целковый, а сбавляй, а то ведь и так немало придётся отвалить, ты меня в разор разоряешь, – упрашивал Федор, и быть бы разрыву из-за этого рубля, но предусмотрительный Сергей окончил завязавшийся было спор тем, что услужливо предложил Федору:

– Ладно, Федор, из-за рубля-то торговаться, я уж от себя этот рубль тебе даю.

На этом все и было кончено: в цене сошлись – дело улажено. Все разом вставши с места, помолились, облегченно вздыхая. А раз улажено, то неплохо бы дело закрепить выпивкой. Иван, выйдя в сени, вскорости вернулся оттуда с четвертью самогона, а хозяйка, снова засуетясь, стала готовить закуску, нарезаю огурцы, капусту, грибы, нарезав хлеба.

Магарыч выпит. Договорились о дне проведения свадьбы,

ее назначили на Вознесенье. Поговорив о хозяйственных делах, гости ушли. Сваты с то и другой стороны деятельно стали готовиться к предстоящей свадьбе.

Хотя и блюлся спиртик у Федора, ведь он тогда при делёжке получил его семь ведер, надёжно припрятал, сам не пил и мало продавал, все копил, – на свадьбу ему пришлось гнать и самогонку. Не раз приходилось Федору в бане корпеть над самогонным аппаратом, коптиться и мазаться в саже, гоня эту проклятую жидкость. Не раз по недоглядке самогонка шла бардой, изводя Федора до полного изнеможения и иступления.

– Раз затеялась свадьба, то и хлопот с ней не уберешься, ведь не мы первые и не мы последние, – успокаивала его жена Анна, мало к чему утруждено приступая сама, ведя только общий надзор за приготовлением к свадьбе. Делясь с приближенными бабами о свадебных хлопотах, она сокрушенно, но хвастливо говаривала:

– С этой свадьбой закружились мы до упаду!

После хлопотливых приготовлений наконец-то наступил день свадьбы. Около дома Крестьяниновых скопилось несколько запряжённых разряженных лошадей, подвод, приготовленных в поезжанье. Тут и Митька Кочеврягин со своей лошадьёю и телегой.

Пока жениха и невесту готовили к венцу, лошади беспокойно переминались с ноги на ногу, звеня колокольчиками и бубенцами. Около лошадей толмошились мужики – хозяева каждый своей лошади. Они по-хозяйски осматривали телеги, проверяли запряжку, чтобы «в поезде» не случилась непредвиденная какая-нибудь неурядица.

Жениха с невестой благословили, их чинно усадили в тарантас. Свахи расселись по телегам, и поезд тронулся к церкви. Улица огласилась весёлым перезвоном колокольчиков, пронизанным басовитыми голосами бубенцов-глухарей.

Через час после окончания процедуры венчания из церкви вывалился нарядный народ. Молодых снова усадили в тарантас. Свахи, как обычно, заняли места по телегам, и поезд снова тронулся, но теперь уже от церкви к дому молодых.

Разураженные лошади неслись вскачь, не жалея кнута им поддавали кучера. Каждый старался показать свою удаль. Грохот колёс, звон колокольчиков, бабий визг – все это слилось в единый концерт деревенского неудержимого весёлого азарта и ухарства.

На повороте около Дунаева произошла заминка. Головная лошадь, запряжённая в тарантас, в котором сидели молодые, внезапно сбавила бег, заупрямилась. Тарантас приостановился, колеса в полуоборота стали вертеться то взад, то вперед, колыхая тарантас на одном месте. Лошадь, переми-

наясь с ноги на ногу, топотала копытами, как перед большим препятствием, не решалась сдвинуться с места. Она испуганно метала бельмами глаз, пыхая из ноздрей разгорячённым паром.

Мишка, брат жениха, сидевший на козлах и правивший лошадь, передергивая ременными вожжами и смачно чмокая губами, старался послать лошадь вперед, но она упрячилась и продолжала переминаясь. Мишка решил применить кнут. Он, злобно выругавшись, огрел лошадь кнутом под ляжку – лошадь взвилась на задние ноги. Лягнув воздух задними ногами, выпрыгнула из оглобеля, правая оглобля, хрястнув, переломилась надвое. Дело оказалось совсем непоправимым.

Сконфуженным жениху и невесте пришлось высадиться и до дома идти пешком в сопровождении крестного и крестной.

Причина этой неувязки оказалась злонамеренная проделка Баданихи, зловредной бабы-колдуньи. Она, мстя жениховой родне, высыпала мусор из избы на дорогу с заворожками.

Остальные телеги со свахами лихо пронеслись мимо. У самого женихова дома, при повороте, заднее колесо Митькиной телеги наскочило на кем-то брошенный камень, телегу буйно встряхнуло, из нее в придорожную пыль вывалились бабы-свахи. У одной при падении до пояса завернулся сарафан, оголилось белое, как тесто, тело. Тут и смех, и грех!

Молодых через настежь распахнутые ворота встретили отец и мать Алеши. Затем вся родня, присутствующая при встрече, хлынула в избу. Пока рассаживались молодые и свои приближенные родные, с улицы появились родные с невестинной стороны. Встречать гостей Федор с Анной вышли в сени. Приглашая в избу, Федор по одежде определял, кто какого сословия: кто разодет понаряднее, тот и степенство в поведении имеет.

Под общий шорох передвигания скамеек, стульев и табуреток и перемещение тел по лавкам наконец-то все гости расселись. Закуска на столах размещена, выпивка в ведрах и дойницах заняла тоже свое место на каждом столе. Хозяин дома Федор, блестя своей широкой вспотевшей лысиной, приступил к открытию пира. Держа в руке стакан с разбавленным спиртом, он обратился с краткой речью к молодым и гостям:

– Ну, молодые, поздравляю вас с законным браком! – и тут же круто повернувшись к гостям, продолжил, – а к вам, дорогие гости, у меня просьба – пейте, закусывайте, песни пойте, веселитесь, только не курите. Мы, вон, с дедушкой, да и две бабушки у нас, табачный дым не переносим, а уж кого приспичит невтерпеж, то вон в сени или на улицу, теперь лето. Ну, как, я так и все! – закончил он свою назидательную речь, одним махом переливая содержимое стакана в рот. Поморщившись, он закусил, жуя неподатливый кружок огурца, он принялся разливать вино по рюмкам для баб и по

стаканам для мужиков.

После выпитого первого стакана гости повеселели, в перезвякивании стаканов и вилок завязался разноголосый разговор. Повеселевший от выпитого жених стал развязней, переживание случившегося в «поезде» отошло в сторону, он все свое внимание стал обращать на свою молодую. Начал вертляво крутить головой и, не дожидаясь возгласа «горько!», осмелился поцеловать ее в губы. Молодая от неожиданности застеснялась, старалась отстраниться от навязчивого нареченного мужа, но он увертливо извертывался и то и дело чмокал ее в губы. Он прямо-таки заласкал свою невесту, не давая ей вздыху.

– Эх ты, зазнобушка ты мой! – разгорячено нашёптывал он ей в покрасневшее ухо.

Посмелевшие и покрасневшие от вина и духоты гости затянули нудную песню, а две молоденькие свахоньки, изрядно подвыпив и осмелев, приступили к молодым, испытывая их в словесности. С ухмылкой улыбаясь, горячо дыша винным перегаром, перемешанным с запахом огурца, они сначала обратились к жениху:

– А скажи-ка нам, как зовут, которая рядом с тобой сидит?

– Татьяна Ивановна! – бойко и резво отчеканил жених.

Такой же вопрос был задан и невесте, та, несколько смущаясь, ответила:

– Алексей Федарыч!

Потом, жеманясь, с особыми причудами и вычурами, сваньонки заставляли целоваться молодых по несколько раз под общий одобрительный смех и суматоху.

После «сыров» гости затолмошились, заерзали по лавкам, загалдели, как галдят всполошенные галки. В этот момент Федор решил применить свой козырь: он еще заранее, до свадьбы, в четверть мутноватой самогонки, для настойки, положил щепоть куриного помета. Понаслышке он знал, что такая настойка любого стойкого пьяницу с ног свалит. Он в это-то время и выволок из чулана эту четверть и поставил ее на стол. Прежде чем разливать, он взболтнул жидкость, содержание в четверти стало еще мутноватее. Он разлил в несколько стаканов и раздал их преимущественно мужикам, сем себя, конечно, обнёс в этот раз.

Гостей разобрало еще сильней, гомон усилился, пошёл сплошной гвалт. Взревела откуда-то появившаяся гармонь и пошло-поехало! Бабы, разгорячено и пьяно притопывая каблуками, пустились в пляс, тряся своими пышными задами. Кружась, она разведали по всей избе неведомые запахи залежалых своих нарядов. К бабам присоединились и мужики. Топот и кутерьма усилились. Дедушка, выпивший стаканчик, для того, чтоб только поздравить с законным браком внука Алешку, забрался на печь и оттуда наблюдал за ходом пира и неблагоприятными проделками отдельных гостей. Ему

страшно не нравится вся эта бестолку толмошащаяся пьяная крикливая орда, он пока терпеливо про себя морщится, хотя он и сам, захмелев, соблюл свою степенность и виду не подаёт. Но в душе он был готов некоторых надоевших гостей повиытурить наружу.

«Все топырятся, шебетенятся, словно белены наелись», – думал про себя старик.

А на гостей подействовала вовсе не белена, а «настойка». За задним столом подвыпившие мужики вели свой хмельной разговор:

– Первая рюмка колом, а вторая ясным соколом! – гудел чей-то старческий голос, – а третья мелкой пташечкой! – пьяно улыбаясь, добавил он.

– Степан! Степан! Эх, ты, варежка на леву руку! Котёл с мякиной! – слышалось из угла. – Ты что пьешь, а не закусы-ваешь?

– Чай, я сюда не жрать пришёл!

– Значит, ты не жрать, а самогонку лопать сюда пришёл! Налопаться и лапти кверху? – урезонивал Степана молодой мужик, сидевший рядом со Степаном.

– Я бы закусил, да нечем: ни колбасы, ни сыру! – нарочито притворно бубнил Степан.

– Как это нечем: вот огурчики, вот грибки, вон капуста, вон селёдка, а то вон кусок курника возьми, видишь его? Сваха только что ножом на части порезала, – услужливо предлагал Степану сосед.

– Я ведь редко закусываю, разве, когда только хлеб понюхаю, – добродушно признался Степан.

Под суматошную плясню баб Федор, приблизившись к мужикам, сидящим за задним столом, предложил: «Кому желательно, я еще поднесу!»

– Нет, сваток, ты и так всех напоил до чертиков, вишь, и так уж все дурачатся.

– Мы ведь веселимся, а не дурачимся, – поправил соседа Панюшка Каравайкин, гулявший на свадьбе с невестиной стороны, – работай-работай, так уж и не повеселиться, удаль свою не показать, ведь у мужика вся душа нараспашку, – икая самогонным перегаром, заметил он.

– Душа-то нараспашку, да тело-то распоясалось! – деловито отметил ему сосед.

Между тем, после выпития «настойки» гости одурели совсем, дошли до полной безобразной вакханалии. Одна взбаламученная «настойкой» баба, вдруг подняв свой подол выше пупка, стала, притопывая, плясать взаголиху. Мужики, глядя на белизну оголенного бабьего тела, приторно хихикали, а бабы дико взвизгивая, неистово хохотали. После такого похабного безобразия дед не выдержал. Он, растревожившись, злобно пыхая, стал упрекать гостей, особо отличившихся своим невежественным искусством:

– Ну, гости, такова безобразия я на своем веку не види-

вал, – возмутился он. – Таким гостям мы три раза рады: раз, чтобы пришли, второй раз, чтоб ушли, а третий раз, чтоб совсем не ходили! – грозно закончил он свою отповедь безобразникам.

Усовестившись дедушкина упрёка, некоторые мужики стали вылезать из-за стола и выходить на улицу. Уморенные избной жарой, на вольном воздухе курили. Любители подраться под пьяную руку затевали драку «по-любё». С визгом и песнями из парной внутренности избы на волю вываливались раскрасневшиеся бабы. Некоторые из них выволакивали на свежий воздух своих бесчувственно опьянелых мужей. Мужики опьянело барахтались, сопротивлялись:

– Ты што меня уводишь, я, можа, ищо выпью! – сопротивляясь, бормотал Степан, а сам, очумело вытаращив глаза, не в состоянии стоять на ногах.

Бесчувственного Степана погрузили на телегу (он с женой на свадьбу приехал с посёлка на лошади). Управлять лошадью пришлось самой хозяйке. Разобрав вожжи, хозяйка крикнула «Но-о-о!» Лошадь, повинуюсь, струнулась с места, зашагала на дорогу. Голова Степана свисала с задка телеги, безжизненно закачалась из стороны в сторону, как у заколотого теленка. Одуревшие от излишне выпитого, не забыли «пообмочить» углы и наставить в пробеле «мин».

Федор, выйдя из дома проводить последних гостей, прощался со сватом Иваном:

– Спасибо за угощение! – благодарил сват Федора. – Ну, завтра просим милости к нам. Созывай всю свою родня, и к нам на пир, – целуясь со сватом, наказывая, зазывал Иван к себе на пир.

Проводив свата, Федор задержался у крыльца, наблюдая за барахтающимся в крапиве Панькой и озирая следы невежества, он, покачав головой, вошёл в избу. Около Паньки появился его двоюродный брат Федюшка. Решив помочь брату выбраться из бездны, он под весёлый напев песенки «Самогоном, гоном, гоном, напиваются, под забором, бором, бором все валяются по три дня», Панька поставил его на ноги, взял его в обнимку и поволок вдоль улицы, направившись домой к Паньке. Они дико заорали песню «Бывали дни весёлые, гулял я, удалец!»

А в избе у Федора идет обсуждение о том, кто как вел себя во время пира: по одежде гостей встречали, по разгулу провожали.

– Этот Панюшка Каравайкин всех смутил! Весь пир помрачил своим невежеством и свинством! Одним словом, похабный шарлатан! – нелестно отозвался о Паньке Федор.

– Ему хорошим-то быть не в кого! – заключил разговор о Паньке дедушка.

– Да я и сам виноват, настойку, видать, переложил, – сознался Федор.

Между тем, расторопная свахонька с невестиной стороны и крестная Алеши отправила молодых в токарню на покой. Молодых с особым церемониалом, пьяные молоденькие свахоньки, уложили спать на пышную постель. Укладывая с постель, молодым они давали советы и бесстыжие наставления с помесью бессовестного и нахального хихиканья, как провести им первую брачную ночь.

В завершение «инструктажа», «толстая» свахонька под одеялом взаимно переплела ноги жениха и невесты и, блаженно улыбаясь, пятясь задом, отворив дверь, она удалилась, оставив молодых наедине.

Недолго размышляя, жених вскочил с кровати, прихлопнул дверь и предусмотрительно запер ее на крючок, и по-молодецки забрался к молодой жене под тёплое одеяло. В темноте она приложила свою ладонь к его полыхающему горячим дыханием рту.

– Тише! Ведь еще не спят! Слышь, в сенях еще ходят! – умиряла она взволнованного Алешу. От помехи и досады он притворно и беспричинно громко кашлянул, но неудержимо принялся за дело, которое полагается делать в первую брачную ночь.

На второй день, спозаранку, перво-наперво страдающие с похмелья мужики собрались у Федора в избе для опохмеленья. Страдательно кряхтели, выпивали, закусывали, разгова-

ривали, спорили. Изрядно подвыпив, вышли на вольный воздух покурить. Панюшка Каравайкин, успев выкрасть в чулане скалку, предлагал испробовать силу, искал, с кем бы потянуться. Состязаться с Панькой выискался один невзрачный мужичок по имени Игнат. Они, усевшись на лужайке, взаимно упёршись ноги в ноги, руками за скалку, начали тянуться, стараясь пересилить друг друга. Кряхтя, краснеют, тужатся, их жилы на шеях и руках напыживаются от натуги, в спинах потрескивают позвонки – друг другу не поддаются. Наконец, поднатужившись, Игнат перетянул Паньку под одобрительные крики и смех наблюдателей.

Панька с досады и конфуза оголтело спорит, спор переплетает отборной похабной матерщиной:

– Да он неправильно тянул, правила не соблюдал! – оправдывая себя, стараясь опорочить Игната, спорил Панька.

– Нет, Игнат правильно тянул. Ты, Паньк, видно против его мало каши ел! – подзадоривая и так обозленного Паньку, вступил в спор Иван Федотов. А где спор, там и матерщина, озлобленность и драка. Тут и бабы, недозвавшие своих мужиков, боясь, как бы ее мужу не намяли бока.

К полдням гости с жениховой стороны, собравшись толпой, направились в гости на пир в дом невесты. Подвыпивший жених, раскрасневшись от удовольствия пережитой первой ночи, совсем осмелев, схватив со стола освободившуюся от закуски тарелку, с размаху хрястнул ею о край стола. Осколки брызгами разлетелись по сторонам. Под об-

щий одобрительный, гогочащий смех гостей Алеша пылко припал к невесте и смачно поцеловал ее. После этой традиционной процедуры гости повеселели и посмелели, ерзая по лавкам, стали перемещаться, чтоб поудобнее усесться. От встряхивания бабами сарафанов и юбок по избе распространился запах сундучной прелости, перемешанной с естественной вонью – сказались вчерашний перепой и переедание. Сергей, не стерпев, чтоб не заметить, проговорил:

– Эх, едрит твою мать, кто-то, воспользовавшись артельностью, невежественно испортил воздух!

– Да, кто-то подфунил! Сознавайтесь, кого приспичило! – настаивал Сергей.

– Обыщи! – за всех ответила самая смелая из баб Дунька.

– Словно пса в брюхе кто-то сгноил! – не унимался Сергей.

– А ты не суйся со своим носом везде-то! – отрапортовала ему Дунька.

Гости дружно рассмеялись, ха-ха-ха-го-го-го. Кто-то пьет, кто закусывает, кто изнывает от того, что давно не курил.

Бабы затянули песню «По Муромской дорожке...» Иван, подсев к свату Федору, начал расхваливать свою дочь, теперь сноху Федора:

– Сват, а сват! А ты хоть разутешь меня, вон ведь какую девку-то я подарил тебе. Цены ей нет, что красива, что умна, что работяща! И для Алексея-то, вишь, как угодила – осколки-то вон как разлетелись!

– Всем взяла! – дыша самогонным перегаром, смешанным с запахом соленого огурца, наговаривал в ухо свата Иван.

– А ты мне и спасибо-то не скажешь, а – сват!

– Да отвяжись ты от меня к едреной матери! – отмахнулся от надоедливого свата Федор, – что ты ко мне пристал, как банный лист, – начиная сердиться, отстранялся он от него. – Ну и что же, что она красива! Чай, мне из ее-то красоты ни лапти плести. Вот посмотрим, сколько она приданого мне в дом привезёт, – загадчиво отрезал Федор, имея ввиду последний пир свадьбы, когда молодую будут провожать из отцова дома в дом свекра на постоянное жительство. По традиции в это время из дома отца и матери полагается в приданое гребень, да еще кое-что из домашней утвари, и это все добро под весёлую песню «Дубинушку» везут пьяные гости в дома наречённого мужа. В дом Федора Татьяне приданое вместе с гребнем под «Дубинушку» приволокли сани, точно и с десятков веников, а сундук с нарядом и постелью был привезён еще в первый день свадьбы.

Отгуляли свадьбу. Собрались мужики, последний раз опохмелились – разошлись. После свадебной суматохи и с непривычки в чужой семье и в новой обстановке Татьяна на третий день после свадьбы заболела. Во всем теле жар, отбило от пищи. Свекровь ее Анна, придя к соседям Савельевым, сокрушенно доложила:

– Молодая у нас что-то больно расхворалась, лежит, ни-

чем не шелохнется, вся в жару, тяжело дышит. Должно быть, порча! Кто-нибудь сглазил. Есть же вредные люди. Баба во всем, так надо испортить! Это не иначе, как от зависти! Все завидуют, что она всем взяла. Надо к Настасье сходить, поворожить. А у Татьяны вовсе никакой «глаз», а она просто-напросто с первого дня забеременела.

Н.Э.П.

Новая молодая Советская власть во главе с Лениным придумала для поднятия экономики страны и для поднятия благосостояния народа НЭП. Эта Новая экономическая политика Советского государства дала не только полную свободу всему народу, населяющему необъятную матушку Россию, но и само государство сразу же стало процветать. Из разорившегося от войны и разных неурядиц, благосостояние пошло в гору. Особенно эта новая политика отразилась на деревне. Деревня всколыхнулась. Из допотопной она стала возрождаться в новую деревню. Перво-наперво, власть решила ликвидировать деревенскую безграмотность. В каждом селе при школе был организован так называемый «Ликбез», который был призван научить грамоте деревенского пожилого и вообще взрослого жителя, особенно мужика, который научился бы вести свое хозяйство по-научному и рационально.

Большим стимулом в подъёме сельского единоличного хозяйства были так называемые кредитные товарищества. Такое товарищество было открыто в селе Вторусском. Под девизом смычки города с деревней эти общества имели на вывесках эмблему: две руки, взаимно сомкнутые в товарищеском рукопожатии. Эти товарищества выдавали крестья-

нам в кредит денежные суммы на приобретение для хозяйства лошади, коровы и инвентаря: плугов, сеялок, молотилок, веялок.

Грамотный мужик стал почитать газету «Беднота», журналы «Сам себе агроном», познал азы ведения рационального рентабельного хозяйства. В деревне стали наблюдаться признаки нового быта. Постепенно стали изживаться бедность, невежество, темнота.

Правительство издало декрет о денежной реформе. Обесцененные деньги, исчисляющиеся в тысячах и миллионах рублей, заменены новыми ценными рублями. Введен в обращение твёрдый рубль. Наивысшей денежной купюрой был так называемый червонец, содержащий в себе десять рублей. Иметь в кармане червонец – значит, быть богачом. На денежных знаках преобладал рисунок, изображающий крестьянина-труженика в позе сеятеля с лукошком. На серебряных рублях и полтинниках изображён рабочий, кующий плуг для крестьянина, а эмблема «серп и молот» изображалась не только на деньгах, а всюду. Продналог был заменён денежным налогом.

В городе и деревне стала оживать и разворачиваться частная торговля. После голода и разрухи откуда только все появилось!словно из-под земли! Появилось полное изобилие дешёвых товаров, как продовольственных, так и непродо-

вольственных. Предприимчивые, деловые мужики стали открывать примитивные бакалейные лавки. Вообще каждый ударился в «свое дело», смотря по своим наклонностям и по своим способностям: кто торговать, кто в кустарничал. Стало восстанавливаться в селе заброшенное во время войны токарное производство детских каталок. А предприимчивые люди Васюнин, Павлов, Царась и трое Лабиных организовали «Трест» по закупке и сбыту этих каталок. Некоторые мастерские люди устроили у себя на дому мастерские. Рузин-Цыбыш стал изготавливать для кустарей необходимые для производства пёрки и другой инвентарь, Александр Купряхин, имея токарный станок по металлу, изготавливал для станков кустарей разнообразные приспособления и детали. Василий Тимофеевич Муратов заделался мастером по починке часов – он этому научился на военной службе, будучи денщиком у офицера, который был часовых дел мастером.

Плотники плотничали, столяры столярничали, изготавливая мебель: столы, шкафы для народа. Швеи и портные шили на людей одежду, сапожники и валялы изготавливали обувь, кузнецы обслуживали жителей кузнечным делом, мельники мололи рожь, масленники из льна и конопли выжимали масло, а главным добыточным производством в селе стало токарное производство – изготовление из липы детских колясок.

Вокруг мотовиловского токарного производства проявлялись подсобную производственную деятельность некоторые и другие села. Село Пустынь снабжала Мотовилово сырьем, доставляла липуголье. Волчихинские пильщики распиливали толстые липовые плахи на тоненькие доски, из которых изготавливаются сиденья для каталок. Село Салалеи в Мотовилово доставляло яблоки, вишню. Из дальних неведомых сел для уличной торговли в Мотовилово привозили деготь, масло, патоку, свежую рыбу, лук, городецкие пряники, горшки, гребни и разную утварь для баб. Село Майдан наспециализировалось на изготовлении самогона и снабжало этой продукцией жителей Мотовилова аккуратно и бесперебойно, а без этой увеселительной продукции и жизнь не в жизнь.

Основным же занятием для жителя села, как обычно, является земледелие – без земли сельская жизнь невысказана. Как бы ни были разнообразны побочные занятия сельских жителей, а основа – матушка-земля. Редкий самостоятельный мужик не имел в хозяйстве лошадь и нужный инвентарь. Каждый лошадиник пахал не только свою землю, но и нанимался (брал уборку) пахать, сеять и убирать землю у безлошадников и вдов.

Несмотря на то, что в торговле появились разнообразные товары, как продовольственные, так и непродовольственные, каждое хозяйство производило для себя хлеб и овощи, сея-

ли лен и конопли для домашнего тканья холстов и сукон, из которых изготавливалась одежда и обувь, а также редкий мужик не мог для себя плести лапти.

Почти в каждой избе села (если нет отдельной токарни) в углу стоял токарный станок, по всей избе расставлены необходимые принадлежности, всюду разбросаны стружка и щепка, а по веснам в избу еще бабами вволакивался ткацкий станок со всеми нужными для тканья атрибутами: гребень с мыкальником и веретенами, мотовило с выюрком, сновальники с воробами, скальница с выюшками, да еще во дворе ступа с пестом и мяльница с трепалом – вот сколько принадлежностей необходимо было иметь в хозяйстве, чтоб обеспечить всем тем, что требовалось для жизни человека. Здесь уж не до культуры быта – всюду теснота, неудобство, но все же с момента провозглашения НЭПа жизнь в деревне стала постепенно процветать.